Пустошь. Нулевой круг

Автор:
Михаил Игнатов

Пустошь. Нулевой круг

Михаил Павлович Игнатов

Боевая фантастика (АСТ)Путь (Игнатов М. И.) #1

Мир Древних пал в яростном огне… На месте великих городов лишь руины, что исчезают под песком… Но даже здесь есть место жизни и надежде. Вот только пришедшие сюда ценят лишь только силу. Еще недавно он смотрел на всех сверху вниз, наслаждаясь детством… А сейчас – изгой и вокруг лишь желающие унизить. Убийца, что лишил тебя всего, усмехается в лицо. Сверстники не упустят шанса ударить в спину тому, кого считают слабаком. Но так ли это? Что, если сила и месть – единственные его желания? Сколько нужно этой силы, чтобы отомстить за смерть отца и увидеть как стекленеют глаза напротив? И запомнят ли урок остальные, что уже сжимают руки на оружии?

Михаил Павлович Игнатов

Пустошь. Нулевой круг

© Михаил Игнатов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

– Эй! Никчемный отброс!

Мне по заднице прилетел крепкий пинок, чуть не заставивший меня окончательно распластаться ничком.

– Что ты там копаешься в песке? Решил присоединиться к своим женщинам? Недостойно мужчины собирать кизяк и траву. Наберись смелости, встань и встреть мой кулак своим кулаком!

Я молчал, потому что был занят очень важным делом. Я искал в этом чертовом песке пусть не палку – откуда ей взяться возле деревни – а простой камень, ну ведь может же случиться такое, что за эти годы здесь упустили хотя бы один камень! Тяжелый, хорошо бы с острыми краями, чтобы, когда я опущу его на голову этого безмозглого дарса Виргла, увидеть, насколько красна его кровь.

– Так! Сопляки! – За моей спиной раздались жалкие вскрики моих обидчиков и звуки смачных ударов. – А ну разбежались отсюда!

– Старший Ди, мы просто говорили с этим отбросом. Как мужчина с мужчиной. Кем вырастет этот приблуда, если он будет прятаться за чужие спины? – раздался ленивый голос моего главного обидчика.

– Виргл, не испытывай моё терпение. – Снова раздался звук удара и чей-то вскрик. – Когда-нибудь я всем в вашей шайке поломаю руки-ноги!

– Спасибо вам, дядя Ди. – Я поднялся с четверенек и присел на песок, продолжая бездумно просыпать его сквозь пальцы.

– Они становятся все наглее, – помолчав, беспомощно сказал мускулистый мужчина, стоящий передо мной. Короткие черные волосы его были покрыты слоем тонкой серой пыли пустошей. Я видел на его загорелом до черноты добром лице вину. В чуть поджатых губах, в морщинах на лбу. И не мог заглянуть в синие глаза. Он упорно отводил взгляд, глядя куда угодно, но только не на меня.

– Неудивительно, – грустно усмехнулся я. – Сын вождя растет и готовится занять его место. И верных прихлебателей натаскивает.

– Да какой вождь! – зло прорычал дядя. – Назначенный глава деревни. Единственное, что в нем стоит внимания, это его возвышение! Стоит ему чуть провиниться, и первый же проверяющий воин пинками вынесет его из главной хижины.

– Слова, – спокойно заметил я, наконец глядя в его синие глаза. – Также наш не совсем вождь выкинет нашу семью за ограду деревни, стоит только раз матери не угодить ему. Да и вы беспомощны перед ним. Ведь вы не били Виргла?

– Ты очень умный мальчик, – после молчания выдавил из себя дядя Ди, снова отводя взгляд. – Твой отец гордился бы тобой. Мне жаль, что тебе приходится взрослеть так быстро.

– К сожалению, сейчас его сын самый презираемый член нашей деревни, – зло рассмеялся я. – Дядя Ди, оставьте меня, пожалуйста.

– Да, прости меня, мой мальчик, но разрыв в две звезды это не то, что можно преодолеть простым желанием. – Дядя помолчал и продолжил: – Возьми и отдай матери, мне сегодня улыбнулась удача.

Я слушал удаляющийся шорох шагов, а затем тишину пустоши, которую не спеша принялись наполнять своим стрекотанием насекомые, и голова моя была пуста до тех пор, пока в моих пальцах не застрял какой-то камушек. Странный, ровный, черный прямоугольник размером с большой палец взрослого мужчины. Похоже, это осколок наследия Древних. Что же, пусть этот камень будет каждый день напоминать мне о сегодняшнем унижении и бессилии. Повертев гладкую, блестящую своими гранями находку, которой не повредили сотни лет в песке, и так и не поняв, что это может быть, я забросил ее в нашейный мешочек с мелочами и перевел взгляд на джутовый мешок, оставленный дядей. Потянув завязку, расслабил горловину и заглянул внутрь. Как я и думал. Тушка квыргала. Отец, когда ходил в пустоши с деревенскими, хвалил дядю Ди как отличного охотника. Значит, сегодня у нашей семьи пир.

– Спасибо, дядя Ди! – я сложил руки лодочкой и поклонился почти исчезнувшим следам единственного человека в деревне, который помогает нам.

Первой вернулась домой сестра и помогла мне с приготовлением ужина. Она уже дочиста выскребла стол, окатила его кипятком, протерла, расставила праздничные, облитые миски из светлой глины и теперь с блестящими от счастья глазами бегала вокруг очага. А я, строя строгую мину, время от времени грозил её светлой макушке ложкой. Мама же вернулась, как всегда, уже в темноте, когда село солнце. Я помог ей расстегнуть ремни переноски, глубоко ушедшей в ставший черным под светом луны песок, а когда она пошатнулась от усталости, подхватил под локоть и повел в хижину.

– Зачем ты до темноты собирала лепешки!

Я кипел от возмущения и бегал кругами по дому, пока сестра помогала маме обмыть из подвешенного умывальника тело от песка. Неудивительно, что мама серая от усталости. Уйти из дома с восходом солнца и весь день наматывать круги по пустоши вслед за дикими джейрами, чтобы забить доверху самую большую в деревне переноску!

– Я хочу завтра уйти на Черную гору за травами, поэтому мне нужно было сегодня собрать двойную норму кизяка. Хорошо, что твоя мама еще знает некоторые секретные местечки, куда никто из деревни и не забирался… – Я словно увидел сквозь занавеску, как усталая улыбка осветила ее лицо, разгладила печальную складку у губ, делая ее самой красивой на свете.

– Мамочка! – Я почувствовал, как в уголках глаз начала собираться влага. – Какие местечки, какая гора! Ты осталась у нас одна, не смей уходить в одиночку из деревни на промысел. Что будет, если тебе встретится Зверь?

– Ну что ты, что ты, – меня прижали к груди и начали гладить по голове. – Я очень осторожная и опытная женщина. Можно сказать, ветеран пустоши. Я хорошо знаю, куда и когда можно идти. И у меня восемь звезд, не забывай!

– Отец знал это еще лучше! И был еще сильнее тебя! И где он сейчас? – Я попытался вырваться из ее рук.

– Родной, что случилось? – мне не позволили вырваться, только немного отстраниться. – К тебе снова приставали?

– Да, – выдавил я через силу, опуская взгляд к чисто выметенному полу. – Они много чего болтали обидного. Мама, может, ты попросишься в команду травников?

– Понятно, – помолчав, вздохнула мама и сжала мои плечи. – Тебя снова упрекали моей работой. Ты ведь понимаешь, что в нашей забытой всеми богами пустоши, в нашем поселке низшего ранга ничем достойным заняться невозможно?

Я нехотя кивнул. Этот разговор в том или ином виде уже бывал, но все же как больно и обидно!

– Половина женщин, больше половины женщин деревни собирает лепешки джейров. Как иначе, если здесь кусок дерева драгоценность! Да, есть и более чистая работа. Собирать травы, варить еду охотникам, искать камни, скоблить шкуры, работать с ними, все-таки твоя мама кожевник! Но, чтобы получить любую другую работу, нужно просить нашего главу! – прошипела последние слова мама, стискивая мои плечи. – Я никогда не буду просить убийцу вашего отца!

– Что! – непонимающе вскинулся я. – Но отца растерзал Монстр! Он умер от ран!

– Дети мои! – Мама наконец отпустила меня и оглянулась на мою сестру. – Я должна повиниться перед вами. Я виновата в бедах, что обрушились на нашу семью. Лейла, сядь передо мной.

– Да, мама, – испуганно пропищала сестра, подходя и опускаясь рядом со мной на пол.

– Лейла не может помнить об этом, но ты, сын, должен. – Мама обратила на меня горящий взгляд своих серых глаз, тени от очага бросали тени на тонкие черты ее лица, меняя на нем выражения, словно маски. – Эта бесплодная забытая всеми пустыня на краю Белой пустоши – не наш родной дом. И не всегда нашим пристанищем были фургон и вечная дорога. Да, нулевой круг – проклятое небесами место, но вы родились в одном из его лучших уголков. Мы с вашим отцом жили в пятизвездочном поселке Арройо, в Черной пустоши. И были в нем уважаемыми людьми. Кузнец и кожевник, девять и восемь звезд. Мало кто мог смотреть на нас сверху вниз. Ты помнишь наш дом, сынок?

– Смутно. Отрывками. Помню большой дом. Стол из дерева, – выдавил я из себя под ее требовательными глазами, которые так напоминают мои собственные. – Кадки с землей и цветами. Широкие улицы, покрытые камнем.

– Да. Да, верно, – закивала мама и закрыла на миг лицо руками, вытирая слезы. – Наш дом. Ваш отец всегда мечтал о том, чтобы увезти нашу семью в первый пояс. Как вы знаете, для девятой звезды это невозможно. Но он всегда искал способ преодолеть свой застой, просил советов у стариков, которые помнили жизнь в других поясах. Хотя что могли ему посоветовать люди, павшие до нулевого? Мусор, как и все мы. Однако он не терял надежды. Однажды ему выпал шанс, и он выполнил небольшой заказ нового Воина, назначенного в наш поселок. И в качестве оплаты попросил совета у него. Я стояла рядом и помню все как сейчас.

Мама подняла лицо, вглядываясь куда-то поверх наших голов, в пляшущие по стенам тени. Лицо ее застыло одной жуткой, страшной маской с провалами глаз.

– Совет, приведший нас в это проклятое место. Он сказал так: «Твой талант и понимание основ, которым учат каждого, очень плохи. Еще в детстве ты свернул не туда. Ты уже взрослый мужчина, и поменять давно впитавшиеся в твои кости вещи тебе очень сложно. Лучшим выходом, чтобы прорвать твой застой, будет отправиться в путешествие. Новые места, новые люди, наблюдение за миром, сражения изо всех сил помогут тебе понять твою ошибку и сделать последний шаг за пределы возможностей простого человека. Есть более легкие пути, но в нулевом они тебе недоступны».

Мама помолчала, перевела на нас взгляд покрасневших от слез глаз, сбрасывая с лица жуткую тень. Я молчал, молчала сжавшаяся под боком кроха Лейла.

– Моя первая вина, мои дети, в том, что я поддалась уговорам мужа и отправилась вместе с ним. Мы продали дом, мастерскую и вместе с тобой, Леград, отправились в путешествие по нашему кругу. Я не могу сказать, что это были плохие годы. Мы увидели весь нулевой. Другим может показаться, что наша пустошь однообразна и одинакова. Но поверьте, дети, это не так. Наши глаза научились видеть ее красоту, а некоторые уголки еще сохранили почти нетронутые, не так, как здесь, строения Древних. Эти огромные древние постройки придавали этим местам невероятную ауру павшего могущества. В конце концов, в этом путешествии родилась Лейла. Совет Вириго, того Воина,

оказался верным. Ваш отец смог понять свою ошибку и прорвался на десятую звезду. В отличие от меня. Мне не было дела до Возвышения, я не пыталась прорвать барьер ограничений человека. Моим счастьем были вы, дети. Но кое в чем Вириго ошибался. – Мама улыбнулась, на этот раз победно, гордо. Глаза ее горели. – Мой муж хотел вернуться в Арройо и пройти экзамен там, чтобы наполнить гордостью своих родных. Поэтому мы продолжили наш путь, возвращаясь домой по новым местам. И у вашего отца оказался удивительный талант. Он сам, без помощи наставника первого пояса прорвался к Воину!

Я ошеломленно пытался уложить в голове услышанное. О таком я не слышал ни в одной байке, что травил у костра подвыпивший Орикол. А он любил изредка почесать языком и похвалиться знаниями, которых нахватался в первом поясе. Нет, если подумать, то были же когда-то первые Воины, не имевшие учителей. Но было это даже до Древних, вернее, даже для них это было, наверное, преданиями и легендами. Это просто невероятно! Отец! Я помню, насколько ты был силен! Неужели ты действительно был Воином? Ведь в нулевом круге просто нет наставлений по прорыву! Это знаю даже я, ребенок!

– Наше путешествие близилось к концу, когда мы прибыли в это проклятое место! – Мама отчетливо заскрипела зубами, никогда я не видел ее такой – полной злобы. – В первые же дни Римило сцепился с Кардо. Сначала тот потребовал от нас целую серебрушку за жизнь в пределах этой вшивой ограды, которая даже хромого шакала не остановит. Затем, после удачной охоты, он пытался отобрать большую часть мяса. Ты, возможно, привык, сын, к такому. Но закон пустоши гласит, что лишь половина добычи уходит в общий котел. И во всех местах, что мы посетили, этот закон чтят. Но не Кардо. Римило избил его. Что мог сделать этот отброс против вашего отца? Он просто не ожидал подобного, привыкнув быть самым сильным и властным в этой помойке. Конечно, он затаил злобу, но каждую встречу приторно улыбался и кланялся моему мужу. Ах, я много раз жалела, что муж тогда сдержал руку и не довел дело до конца! Жители деревни, не евшие досыта в этом богатом дичью краю, были бы нам только благодарны! Мы уже вполне отдохнули и планировали отправиться в путь, когда пришел тот черный день.

Лейла вздрогнула и схватила меня за руку – для нее тот день стал концом беззаботного детства. Впрочем, как и для меня. Я сжал холодные пальцы сестры.

– Если бы ваш отец знал хотя бы какую-нибудь духовную технику! Мы объездили множество селений, потратили почти все наши деньги, скупая редкие рецепты кузнецов и кожевников, но нигде не смогли найти подробных описаний техник. Только жалкие пересказы, в которых половина вранье и выдумки! Даже Орикол получил золото, но не смог ничему научить вашего отца, тупой ублюдок, умеющий только лакать пойло и врать! – мама в гневе ударила кулаком по камню стола. – Если бы он мог применять хоть что-то, доступное Воинам, тогда Римило смог бы убить Монстра, не получив таких ужасных ран! Не умереть на моих руках!

– Мама! Мама! – Лейла не выдержала, бросила мою руку и с рыданиями бросилась к маме.

– Прости, прости! – шептала мама, обнимая и гладя сестру по голове, спине, рукам. – Простите меня, дети. Моя вторая вина перед вами в том, что Римило просил не думать о нем, купить место в караване и отправляться в Арройо. Но я пошла против его воли. Он бы не перенес месяца пути с такими ранами. И мы остались здесь. Я была дурой, за бедой мужа не видевшей угрозы всей семье. Но Римило знал, что все так и будет. С того дня Кардо не давал нам прохода. Мы платили серебром за кров, еду, травы для повязок. Этот бородатый гад пользовался беспомощностью моего мужа и вымогал у нас деньги. Но я стискивала зубы и терпела, молясь и надеясь, что мужу станет лучше.

Тут уже зубами заскрипел я, отгоняя злые слезы. Я помнил, с чего это началось. Я прекрасно помнил, как уже на следующий день, после того как отец ценой своего здоровья спас охотников, меня первый раз избила шайка Виргла. Как говорится, вернули с небес мордой в грязь.

– Третья моя вина перед тобой, дочь! – Мама принялась исступленно целовать такие же, как у неё, волосы Лейлы, повторяя: – Прости, прости! Через неделю в деревню приехал еще один караван, крошечный, всего из двух торговцев. И у одного из них я выменяла зелье восстановления тела. Я отдала в обмен твоё наследство – весь набор своих инструментов кожевника. Он убеждал, да я и сама знала, что оно спасет вашего отца. Но…

Мама замолчала, а я снова опустил глаза в пол и с удивлением увидел в мерцающем неверном свете очага капли влаги под своими ногами. Я плачу? Тот день я тоже помнил так ярко, как будто это было вчера. День, когда наша семья стала меньше.

– Торгаш убеждал меня, что зелье принято поздно и отцу не хватило жизненных сил на заживление ран. Такого просто не могло быть! Я родилась и прожила всю жизнь в пятизвездочном поселке! Я не раз слышала про принимавших это зелье. Я видела даже этих людей, когда их приносили из пустоши! Многие их раны были еще хуже, чем у мужа! В самом зелье уже были травы, дарующие жизненную силу! – закричала мама. Она так же кричала и в тот день. Я помню. – Я ничего не могла доказать. Я осматривала печать в присутствии свидетелей, и она была цела. Но я не верила. Долгие месяцы я следила за тем, как этот гнилой старикашка, которого чудом не прибрали к себе небеса, крутит какие-то дела с Кардо, и все сильнее уверялась, что они вместе убили моего мужа. И два месяца назад, когда здесь был настоящий большой караван из Арройо, а не одна повозка старикашки, я смогла тайно встретиться со странствующим аптекарем. Я вручила ему пузырек от зелья. Отдала все деньги, что еще оставались у меня, но это было не зря, не зря!

– Мама, мама! – Я рванул ворот рубахи, разрывая завязку, слушая ее страшный каркающий смех. – Что он сказал?

– Он сказал, что это было зелье усиления силы! Оно просто убило вашего отца, направив последние ресурсы его тела на усиление мышц! Это зелье ничуть не дешевле лечебного, и если бы оно было у Римило в день схватки, то он убил бы монстра с легкостью. Я не верю, что торгаш по своей воле подделал печать и подсунул нам это зелье! Все, что отбирает Кардо у жителей деревни, уходит этому торгашу! Кардо заплатил ему за убийство вашего отца! Иначе быть не может!

Я сидел, прислонившись к холодной стене нашей хижины, не беспокоясь о побелке, которая пачкала мою спину, и смотрел на звезды. Где-то далеко-далеко выли шакалы, вышедшие в сумерках на поиски, у кого украсть мясо. Раздался едва слышный рев леопарда, и шакалы затихли. Похоже, хотели начать свару и отобрать часть добычи, но струсили. Я, вслушиваясь в звуки ночи, копался в своих воспоминаниях и заново перебирал картинки памяти. Не только тех двух дней, которые, казалось, выжжены в ней. Но и других, которые остались только смутными образами. И все больше уверялся в правоте матери. Все что я вспоминал, говорило, что Кардо мог заплатить за смерть отца. Я знал даже больше мамы. Еще месяца не прошло, как я прятался от Виргла возле тренировочной площадки. А за стеной сарая, в котором хранились запасные копья и мерочные камни, Кардо разговаривал с тем старым торговцем. И разговор этот был разговором равных людей, которые давно знают друг друга.

Он был полон намеков и недосказанности, понятных только тем, кто обсуждает это уже не первый десяток раз. Я понял лишь, что все идет так, как должно быть, что-то даже лучше и последнее зелье будет в срок, он не подведет Кардо, особенно если тот еще чуть увеличит поставки. На горизонте сверкнула молния приближающегося дождя.

– Мама, – я заглянул в хижину, – если у нас есть родственники в Арройо, почему ты не подашь весть о нас?

– Я сирота. – Мама сидела возле очага с Лейлой на коленях и расчесывала ее волосы, уже отросшие почти до пояса. – Там отец с матерью Римило. С ними мы не ладили. Они не простили, что он взял меня в жены, нарушив их планы. И не пускали Римило на порог. Но вот с его братом мы продолжали общаться, несмотря на запрет его отца. Именно ему я и писала дважды. И два месяца назад отправила с караванщиком еще одно письмо. Я не знаю, почему он ни разу не прислал ответа. Все же прошло уже шесть лет, многое могло случиться, хотя я стараюсь не отчаиваться и не думать о самом плохом.

– Есть еще инструменты отца. Почему ты не продашь их? И мы бы могли устроиться в караван? – задал я следующий вопрос.

– Это твоё наследство. Я не нарушу желания Римило, – нахмурилась мама, бросив короткий взгляд на сундучок возле своего лежака.

– Даже если это, возможно, спасет нас? – Я был упрям.

– Не обольщайся. – Мама покачала головой и начала объяснять: – Если с твоим дядей, не дай небеса, что-то случилось, то мы останемся в городе без поддержки и без денег. Я не смогу работать с кожей. У меня нет инструмента, не будет денег выкупить место. Мой учитель был добрым стариком, но он уже умер. А никто просто так не пустит чужого мастера в свою мастерскую, храня свои секреты, а для ученика в другом деле я уже слишком стара. Мне придется перебиваться дешевой работой, которая не намного лучше сегодняшней, а Арройо поселок не дешевый, и нам останется только уповать на милость немногих знакомых. Их поддержка не будет вечной, а нас трое. Мы будем падать все ниже и ниже. Поверь, сын, я знаю, о чем говорю. Ведь когда-то я карабкалась вверх, но тогда я была одна. А мы в итоге окажемся там, где я начинала. В трущобах. Я выросла в них и не желаю, чтобы мои дети попали туда.

Там вам придется гораздо хуже, чем здесь. Поверь бывшей побирушке, сын. Меня, восемь звезд, легко бы приняли охотники на Монстров. Но это смертельно опасно, а я не могу оставить вас одних. Моя смерть будет самым страшным предательством вас. Сынок, чего я только не передумала за это время!

– Подожди, – не сдавался я, хотя у меня уже начала болеть голова от этого клубка проблем. – Неужели наши дедушка и бабушка бросят нас в трущобах? Детей своего сына?

– Поверь, – мама криво улыбнулась, качая головой, ее уже высохшие волосы рассыпались по плечам, – для них вы прежде всего мои дети, проклятое семя воровки.

– Воровки? – я уже не мог удержаться и схватился за голову.

– Ах, сынок, ты не знаешь, на что может толкнуть голод. Может, мы поедим, а завтра вечером, если хочешь, то снова задашь вопросы, – мама оглянулась на очаг и глиняный горшок, все еще манящий ароматом, меняя тему. Мне осталось только сдаться, поняв, что сегодня я больше ничего не узнаю.

Глава 2

Я прятался от чужих взглядов в одной из пещер, в оплавленных руинах на берегу реки и бросал в воду камушки, слишком мелкие, чтобы собирать их для деревни, хотя бывало и такое. Это раньше был огромный город, своими зданиями упиравшийся в небеса, как написано в книгах. Если вспомнить Черную гору, то она действительно достает до облаков. Но мне сложно представить сотни столь высоких зданий. Почти все они пали в один день, рассыпавшись белоснежным песком, который и дал название нашей пустоши. Песок лежит на многие часы ходьбы вдоль обоих берегов реки. И на несколько часов в сторону пустоши. Но если в ее глубине копнуть серую землю, то под ней обязательно окажется тот самый белый песок. Это был огромный город, размер которого мне тоже сложно уложить в голове, ведь даже его руины тянутся на два дня пути в обе стороны от деревни, но от него осталась лишь крохотная часть. Не знаю, что послужило причиной, близость реки или особая прочность этих зданий, ведь даже по цвету они отличаются от песка. Но только вдоль кромки берега стоят

черные скелеты прошлого. Невысокие, в два-три, редко в пять этажей. Единицы остовов выше этого предела. Черные, пустые, зияющие провалами окон, они невольно внушают страх и опаску. Я был здесь ночью, когда под светом луны белое кажется черным, а черное – белым. Жуткое зрелище. В этот момент они действительно походят на костяки давно умерших чудовищ. Странно бояться домов предков, но это пришло мне в голову только под крышей родного дома, куда я в страхе вернулся.

В голове все еще крутились, наверное, раз в сотый, все слова матери, услышанные вчера. Во всяком случае, теперь многое становилось понятно. Я слышал поговорку у караванщиков: «Я не вижу солнца надо мной». Это значит, что в мою жизнь пришла песчаная буря, которая может похоронить меня под собой, засыпав тоннами песка. Мама постоянно повторяет, что стоит только подождать, когда я подрасту, мы скопим денег и уедем. Теперь хотя бы я понимаю, куда она хочет уехать. Не знаю, может, конечно, она и не зря ходит, невзирая на мои протесты, на Черную гору за травами. Возможно, у нее получается утаивать от Кардо дорогие травы и копить. Она стиснула зубы и терпит унижения и лишения. Но мне и раньше было тяжело сдерживаться, вчерашний камень в мешочке не даст забыть о желании разбить голову этому Вирглу. А теперь, когда я знаю, что отец был убит? Теперь, когда я каждый день буду видеть убийцу и его сына? «Терпи, еще год, два, и мы уедем от этих ублюдков», – строго сказал я себе и представил, как меня окружили прихлебатели Виргла и облили помоями. Я честно признался себе, что сорвусь. А ведь это одна из любимых шуток Скирто. Мне мало просто терпеть ради того, чтобы уехать в Арройо. Отец всю жизнь хотел увезти нас оттуда, ради этого он прорвался на десятую звезду. Я вытащил из мешочка тот странный камень, свидетель моего унижения, и сжал его в кулаке. Мне тоже нужна цель. Что-то, ради чего я буду покорно терпеть и сжимать зубы, а не приду однажды в хижину Виргла ночью и не разобью ему голову.

Мама рискует жизнью, бродя одна в туннелях Черной горы, но находя дорогое растение, и может говорить себе: «Все это не зря!» А я? Полью свою норму общинного огорода, вечером накормлю маму похлебкой из мяса, добытого не мной, и скажу себе эти же слова? Смешно… Деньги? Еще смешнее. Откуда их возьмет ребенок, который целый день занят поливом или поиском камней в руинах Древних. Сила? Зимой меня не пустили на тренировочную площадку, когда я вошел в возраст, а Орикол кинул только один взгляд и отвернулся. А я ведь знаю, что учат всех! Мама, которая, оказывается, была беспризорницей, это правило наглядно подтверждает. Кардо нарушает еще один закон пустошей. Или нет такого закона? Не знаю. В любом случае стать сильным можно и самому.

Я не раз слышал вопли Орикола о тупых свиньях, которые должны выучить всего одно наставление, но не могут даже прочитать его полностью уже который год. Пусть мой отец тоже не смог прорваться к десятой звезде долгие годы, но ведь, найдя свою ошибку, он проявил огромный талант. А значит, у меня в этой деревне есть больше шансов, чем у остальных! Мне нужно достать наставление! Мне нужно покончить с моим бессилием!

– Тебя не пускают на тренировки? Почему ты молчал? – нахмурилась мама.

– У тебя есть наставление по закалке меридианов? – терпеливо повторил я вопрос, не видя смысла повторять уже сказанное.

– Как так? Как он посмел? – продолжала в неверии повторять мама, смотря куда-то сквозь меня, словно не видя. – Да мы с помоек приходили на тренировки! – подтвердила она мои мысли.

– Мама! – вздохнул я, сжимая кулак. – О чем ты думаешь? Он убил отца, разорил нас, вся деревня живет впроголодь, отдавая все добытое в пустоши ему. Что ему один пацан?

– Да-да, – встряхнула головой мама, разметав, как я любил, по плечам свои красивые светлые волосы, словно отгоняя, как муху, приставучую мысль. – Ты прав. Он многое посмел. Вот только про голод, да и про то, что отдают всё, ты ошибаешься. Мой намётанный глаз не обманешь. С каждым днем и охотники, и собиратели утаивают все больше добытого. Чем больше Кардо бесится на утренней раздаче заданий, требуя повысить нормы, тем сильнее они падают. Люди отлынивают везде, где могут. Люди устали, Леград.

– Так, может, найдется тот, кто свернет ему шею? – радостно оскалился я.

– Я не рассчитываю на такую удачу. Если бы в деревне были равные ему, за этим бы дело не стало. Но я, я сильнее всех мужчин деревни! И даже я – не решаюсь напасть на него. Я слабее на звезду, и я не Воин. Это не кончится ничем хорошим, – покачала головой мама.

– Жаль, – я усмехнулся своим наивным желаниям. – Но что с наставлением?

– Нам оно давно не было нужно, мы знали его почти наизусть. Я могла бы написать тебе его, но нужно будет искать хорошую бумагу, чтобы не расползлась через месяц. Да и никто не застрахован от ошибок и неверного понимания, которое въелось в память, а художник из меня никакой. – Мама поморщилась, что-то обдумывая. – Поступим проще. Вообще странная, даже глупая ситуация. Ладно, не пускают на тренировки. Это у меня, сироты, не умеющей читать, не было выхода. Но у тебя есть я. В деревне в каждом втором доме есть наставление! Неужели он думает, что ты не найдешь, у кого взять книгу?

– Точно! – я понял ее. – Она есть у Рата! Можно попросить прочитать!

– Не стоит. Я хочу, чтобы у тебя была своя. Утром, перед тем как уйти на сбор, я дам тебе пучок травы. Сразу найдешь дядю Ди, пока он не ушел в пустошь, улучишь момент, когда никто не заметит, и отдашь ему. У него попросишь бурдюк вина. Его тебе нужно будет отнести Ориколу и попросить наставление. Будь вежлив с ним. За вино дяди Ди он тебе ее с радостью отдаст. Но сделать тебе это нужно в середине дня.

– Почему в обед? – уточнил я, стараясь во всем разобраться. – И почему вежлив?

– Ах! – засмеялась мама и щелкнула меня по кончику носа. – Утром ему все равно, что есть в стакане, лишь бы полечить больную голову, а вечером он будет пить даже мочу, если она хмельная. И зачем грубить человеку, который не сделал тебе ничего плохого? И к которому тебе придется обращаться за советом?

Я снова сидел в сарае возле тренировочной площадки и всматривался в щель между камнями, из которой высыпалась глиняная замазка. Это центральная площадь деревни, на которой происходят как все важные события – экзамены, принятие в новики, посвящение в охотники, – так и повседневные тренировки решивших возвыситься. Она отделена от окружающих ее домов невысокой прямоугольной оградой из камня и глины. Ее отличие от большинства подобных оград в деревне – это сделанные из дерева широкие калитки, почти ворота. По одной на каждую сторону площади. Еще такое можно увидеть только в доме главы деревни. Есть слишком много вещей, на которые можно потратить дорогое дерево с большим толком.

Мне нужно улучить момент и перебраться через двое ворот и открытое всем взглядам пространство так, чтобы никто не заметил, что я вошел в дом Орикола. К сожалению, с другой стороны деревни это сделать еще сложнее, там дома вождя, его семьи, уважаемых охотников, но не дяди Ди, к слову. Даже если я просто войду в ту часть деревни, проблем не избежать. Никого не вижу, похоже, что пора. И я быстрым шагом, крепко придерживая под старой рубахой бурдюк, пересек площадку и скользнул за травяную циновку, повешенную на входе.

– Кого там вонючие дарсы принесли? – раздался раздраженный рык, пока я пытался привыкнуть к ужасающему запаху немытого тела, перегара и стухшей еды, которым меня встретил дом учителя деревни.

– Не кричите, уважаемый Орикол, – попросил я, делая шаг вглубь и надеясь, что меня не стошнит.

– Вот это да! Уважаемый! Да меня так не называли уже, наверное… Да ни гарха меня никогда здесь так не называли! Кто там такой умный и вежливый приперся? – В темноте загремело, что-то упало, и из нее в полумрак возле циновки вышел Орикол. – Ты кто такой, молокосос?

Орикол был ужасающе грязен и давно не мыт. После его появления вонь стала так сильна, что буквально резала глаза. Он бы хоть циновки скатал, чтобы ветерок не только облегчал страдания от жары, но и проветрил дом. Но ему, похоже, было все равно, и он давно привык. Одет он был в широкие кожаные штаны и дорогую выбеленную тонкотканую рубаху с длинным рукавом. Когда-то дорогую. Сейчас она была черна от въевшейся грязи и покрыта пятнами пролитого на нее вина. А еще он был бос, как последний бедняк. Даже хуже. Потому что я, один из таких оборванцев, был в мокасинах. Давно не бритый и не стриженый, с жирными черными волосами, в которых добавилось седины, он слабо напоминал того Воина, которого я когда-то впервые увидел у костра в центре деревни.

– Я Леград. – Не видя понимания в мутных глазах успевшего опохмелиться воина, я продолжил: – Сын Эри и Римило.

– А! А. Ага. Помню, – Орикол задрал голову и стал чесать обеими руками шею под короткой неряшливой бородкой. – Чего тебе нужно у меня, мелкий?

– Я прошу у вас наставление о закалке меридианов. – Не дождавшись ни звука от деревенского учителя по возвышению, я продолжил: – Моя десятая зима уже наступила, вы должны меня учить, – конечно, мама не говорила мне искать проблем, но злость на всех в деревне, а на него в особенности, жгла мне язык.

– Кардо дружески посоветовал мне не учить тебя. – Орикол пожал широкими плечами, он, к слову, был удивительно могуч телом. Казалось бы, пьет каждый день и не выходит из своего дома неделями, а по-прежнему перевит мышцами, как и тогда, когда мы приехали сюда. – Твой отец был невероятен и достоин моего уважения. Но этого мало, чтобы искать на свою голову проблемы, пуская тебя на занятия. – Деревенский учитель помолчал, а затем продолжил, расчесывая грязными пальцами бороду непонятного в этом полумраке цвета: – Вот твоя мать хороша, почему она не пришла ко мне просить за тебя?

– Ах, ты! – рявкнул я, а затем почти буквально зажал себе рот, сдерживая все те ругательства, что лезли из меня после этих гнусных слов. Я заставил себя глубоко дышать, невзирая на вонь, что царила вокруг, чтобы успокоиться и не броситься на этого грязного алкаша.

– Га! – противно заржал, словно мул из обоза, Орикол. – Вот я из уважаемого превратился снова в простого «ты». Это мне знакомо, это мне привычно. Вали отсюда, щенок.

– Я ведь не прошусь в ученики, а хочу получить лишь одну книгу. Зачем уважаемый, – я выдавил это слово, представляя, как сжимаю его грязное горло, – мечтает о несбыточном?

– Какой дерзкий щенок, – показал зубы в оскале Орикол. – И что же, по-твоему, для меня сбудется?

– Прошу, возьмите, – теперь оскалился я и, вытащив из-под рубахи бурдюк, чуть встряхнул его, чтобы он булькнул.

– Щенок учится огрызаться, – Орикол плюнул на пол, который от этого не стал грязнее. – Исчезни с моих глаз, пока я не отбил тебе зад, выкидывая из моего дома.

– Это вино охотника Ди. – Я не сдвинулся с места.

– Ух ты! – Орикол снова почесал шею, а затем раздраженно дернул короткую бороду. – Сам бы ты не додумался до этого. Но вряд ли Эри советовала тебе мне хамить…

Я сдержал рвущиеся из меня слова. Не сейчас, когда все висит на волоске.

– Да, искушение велико. Хорошо, щенок, давай его сюда.

– Книгу! – Я быстро спрятал бурдюк под рубаху и отступил к циновке, готовый выскочить наружу.

– Щенок умеет думать? – Орикол улыбнулся так, что мне захотелось самому плюнуть и развернуться. – Сейчас. Лови!

Хотя к темноте вокруг я уже привык и движение алкаша видел, но среагировать не успел, и мне в грудь врезался небольшой предмет.

– Спасибо, уважаемый. – Я бросил взгляд, проверяя, на поднятую вещь и протянул бурдюк, пряча ее за пояс.

– Ой! – сморщился Орикол, уже успевший найти грубый стакан красного обжига, до этого валявшийся на полу, и сейчас с сомнением его разглядывал. – От твоего именования у меня сводит скулы, столько в нем яда. Будь проще, пацан, я просто немного развлекся. Говорю же, я уважал твоего отца.

– И оскорбляешь мать. – Я уже осматривал улицу, щурясь на яркий свет в щели циновки, но промолчать не мог – слишком много я сдерживал себя за последние минуты.

– Ты видишь второе дно в простых словах, – рассмеялся Орикол. – Я говорил, что она хороша с восемью звездами.

– Да, конечно. Я даже попробую поверить, – процедил я сквозь зубы на эту ложь.

– Да как хочешь, мелкий. Да… – спохватился Орикол, – а ты вообще читать умеешь?

– Умею, – выплюнул я одинокое слово.

– А, ну да. Чтобы Эри не научила тебя? Чет туплю, да. Удачи тебе в возвышении, – отмахнулся от меня Орикол и забормотал, отворачиваясь: – А мне нужна бритва. Пить это вино в таком виде – это упасть еще ниже. Нужно же когда-то цепляться в полете, дно уже близко. И помыться, да, определенно помыться!

Проделав обратный путь и добравшись до знакомого сарая, я наконец решил посмотреть, что же мне дал этот грязный алкаш. Небольшая, тонкая книга-кодекс в твердом, обклеенном кожей переплете. На корешке тиснением нанесена надпись: «Закалка меридианов». Я, проверив через щель по-прежнему ли пусто вокруг, с трепетом открыл титульную страницу.

Закалка меридианов

Выпущено свободным городом

Морозная Гряда

Издание триста двадцатое, отпечатанное в триста шестьдесят четвертый год от Падения мщения

Через час чтения, прерываемого на осмотр округи из-за боязни быть обнаруженным, я смог для себя обобщить содержимое книги в вольном пересказе основных вех.

Все вокруг пронизано энергией. Самой разной. Даже мы сами и все, нас окружающее – это особый вид энергии. И мы, люди, постоянно поглощаем другой тип энергии. Древние обнаружили, что можно натренировать силу этого поглощения и обратить на свои нужды эту добытую энергию. Стать подобным небу в своем могуществе. Этот путь они назвали Возвышением. Первый этап Возвышения Древние назвали Закалка меридианов. В теле человека, среди множества других, ими была обнаружена особая система органов, отвечающих за взаимодействие с энергией. Она очень разветвлена, пронизывает все тело, и

на первых порах обнаружить ее у обычного человека совершенно невозможно. Кровь в теле проводят вены, а энергию – меридианы. Ученику, ставшему на путь Возвышения, необходимо мысленно представлять, как он всем своим телом впитывает энергию из окружающего мира и направляет ее на возвышение или, если проще, развитие меридианов. Затем, используя развитые меридианы как каналы, он может потратить поглощаемую энергию на полезную работу. Самый простой способ ее потратить, на котором с древности основана проверка Возвышения, это поднятие тяжестей. Хотя можно тратить ее на гибкость, скорость, прочность костей. Но проще всего узнать вес, который тебе по силам поднять.

Я посмотрел на каменные тумбы с ручками всевозможных размеров, которыми и был завален сарай. Новорожденный с теми каналами, что получил при рождении, считается первой звездой закалки меридианов. Обычно к десяти годам, когда и начинают заниматься их развитием, дети считаются достигшими двух звезд. Хотя некоторые мальчики могут сдать экзамен и получить не только три, но и четыре звезды. Но поднятие мерных гирь это во многом приблизительная и грубая оценка, которая совершенно не учитывает размеры мышц испытуемого. И вот тут-то всех практикующих Возвышение и ожидают огромные проблемы, названные в книге Тремя препятствиями Закалки меридианов.

Первая преграда. Закаливающий меридианы не может ощущать и тем более видеть движение энергии в них. И зачастую, занимаясь Возвышением, практик просто не может научиться поглощать больше силы, чем дано при рождении. Вторая преграда. Даже научившись поглощать дополнительную энергию, практик часто ошибается и направляет ее не на дополнительное развитие меридианов, а на развитие того, что легче всего ощутить – мышцы. И превращается в огромного, увитого мышцами здоровяка. И даже сможет взять планку финального экзамена в четыреста килограммов. Но он никогда не прорвется к Воину духа. Потому что его меридианы по-прежнему тонки и неразвиты. А стоит экзаменатору для дополнительной проверки использовать Мерило, особый артефакт, сделанный ремесленниками и способный оценивать именно толщину меридианов, и вся гордость такого человека будет уничтожена. Верить, что ты близок к Воину, и узнать, что твоё Возвышение, в лучшем случае, на уровне пяти-шести звезд? Ужасно. Понятно теперь, почему Орикол так орет на своих учеников.

Третья преграда самая тяжелая. Она связана с талантом. Можно научиться осознанно поглощать энергию, правильно направить ее в невидимые меридианы и столкнуться с тем, что они просто не растут! Нормой считается достичь десяти звезд к шестнадцати годам. Хорошим талантом за четыре года. Моему отцу было двадцать девять, когда он погиб. Казалось бы, его талант близок к нулевому, но не стоит забывать, что он вернулся с неправильного пути развития мышц. Развил меридианы, достиг десятой звезды и прорвался к Воину, не имея никаких руководств, кроме пересказов отбросов. И все это за четыре года! Как минимум, его талант был хорош! А это очень важно, поскольку считается, что если талант человека хорош, то и его дети чаще всего наследуют его. И наоборот. Именно поэтому население всего нулевого – это отбросы, постепенно скатившиеся из поясов сюда. На этом месте я криво усмехнулся. Действительно, мой отец хорош. Но его предки были вышвырнуты сюда за то, что провалились в Возвышении. Как и предки матери, которая так и не вышла за пределы восьмой звезды.

Я помотал головой, отгоняя мрачные мысли. Она никогда и не стремилась к возвышению, а глядя на ее невысокую точеную фигурку, никто не усомнится, что гиря в триста килограммов, взятая на экзамене, это именно развитые меридианы. В качестве совета по преодолению всех трех преград книга советовала внимательно слушать наставления учителя и при малейшем сомнении просить о проверке движения энергии в меридианах духовным зрением. «Шутники!» – скептически подумал я о выпустивших эту книгу чудаках. Где они видели учителей с духовным зрением в пустошах. Здесь появляются только Воины, и они точно этого не умеют. Возможно, в бесконечно далеких от нас втором, третьем поясе и появляются внимательные учителя, которые заботятся об учениках и, может быть, даже обладают этим зрением. Но даже там, судя по байкам пьяного Орикола, хоть какая-то польза от него, они редки, словно засохшее дерево в нашей пустоши.

Я снова посмотрел на гири вокруг, но на этот раз с практическим интересом. Вокруг никого? Что там видно в щели? Пусто, все на работах. Ну-ка, проверим свое Возвышение! Итог был вполне нормален для начала практики. Третья звезда, пятьдесят килограммов, поднятых с выпученными глазами. На камень с четырьмя грубо выбитыми звездами я только поглядел, трезво осознавая свои пределы. «Значит, так! – Я глубоко вздохнул. – Как было в той книге? Если уж ставить себе цель, то великую! Нацелимся для начала на гору высотой четыре года. Посмотрим, смогу ли я взобраться на нее. Или навсегда останусь в нулевом круге».

Глава 3

Таская тяжелые вёдра с водой на деревенский огород, я обдумывал всё, что прочитал, всё, что слышал раньше, и всё, что выспросил ночью у мамы, пока она не заснула от усталости, пытаясь разложить это по полочкам. Упорядочить знания не выходило. Слишком много противоречий в описании того, как люди поглощают энергию мира. Но если вспомнить, что все они были лишь на стадии Закалки меридианов, то нестыковок просто не может не быть. Ведь это попытки слепых описать, как светит солнце. Повезет, если день будет жаркий, и они почувствуют тепло лучей на коже. Похоже, каждый на этом пути набивает свои шишки сам. Плохо. Очень плохо, что в наставлении не указали правильный способ. Это их коронное: «Представь, как энергия впитывается в твоё тело!» – меня просто бесило до зубовного скрежета! Как, как я должен это представить? Вернее, как, как это выглядит на самом деле? Неужели сложно было Видящим описать для будущих учеников то, что они видели вокруг них?

Опустошив в очередной раз ведра, я позволил себе отдых. Я делаю так каждый раз, когда заканчиваю третий по счету ряд. Посажено на огородах многое, жаль, что в нашу пайку редко это многообразие попадает. Слишком малую пользу мы приносим деревне, по мнению Кардо. Тыквы и лук нескольких видов, горох, редька, хлебный и мясной корень, какая-то ни разу не пробованная и незнакомая мне зелень, кислая трава, морковь, горькая или огуречная трава, капуста. Весь огород поделен на ровные гряды, полные земли, которую принесли сюда из пустоши. Они прерываются только дорожками из вездесущего песка.

Так что я обычно выбираю самые дальние от подъема, потому как их никто не хочет брать себе, и поливаю от стены до стены. Будут крики, споры, которые тот же Скирто постарается разжечь, а в итоге – всё равно назначит их мне. Хорошо еще то, что деревня не так высоко поднята над рекой, как кажется на первый взгляд. Тут всего десяток метров. Недлинная сложенная из самана и камня лестница с одной поворотной площадкой. Удобное место, чтобы набирать воду, здесь одно, так что мостки стоят прямо под спуском с обрыва. Одно странно. Почему к концу полива ноги уже не поднимаются по этой короткой лестнице?

Итак, отец словно впитывал воздух, его окружающий, каждым кусочком кожи. Мама представляет, что делает вдох воздуха, в котором есть сила, заполняющая ее тело. Орикол, это мама мне рассказала, представляет, как лучи света проникают в его тело, пронзая насквозь и оставляя в нем частицы энергии.

Больше никому я не могу доверять, остальных я не видел сам. Два Воина и честная восьмерка. Какой образ выбрать для себя. Или… Создать свой образ? Объединить все их успехи в одном? Представить себе, что вокруг воздух будто светится от энергии и сам вливается в меня! Безуспешно помучившись минут десять, я так и не смог представить, как это – «светящийся воздух». А на меня уже начал коситься здоровяк Порто. Долго бездельничаю. Повезло, что он сегодня присматривает за огородом. Если бы здесь был Скирто, то я бы уже пару раз упал с ведрами, а отдыхал бы внизу у реки и чуть-чуть каждую ходку, чтобы он меньше орал о бездельниках.

Похоже, я тупой, раз не могу представить, как светится именно воздух. Нужно упростить себе задачу. Пусть в воздухе будет светиться мельчайшая, невесомая пыль, даже мельче той, которая повисает над руинами Древних, когда они лопаются. Пусть, как только я начинаю поглощать энергию мира, вокруг меня появляется облако этой светящейся голубой пыли. И она оседает на моей коже, впитываясь в нее, а ещё я вдыхаю ее, и она заполняет мои легкие, проникая в мою кровь. Я остановился на берегу и попробовал вообразить придуманное. И, должен заметить, с таким образом у меня получилось гораздо лучше! Я, счастливый от своего маленького достижения, привычным движением зачерпнул воду тяжеленным ведром и поспешил назад к лестнице.

Вторая проблема – это сложность развития именно меридианов. Я не хочу упереться во вторую преграду. Я не раз видел, как занимается шайка Виргла, все вечера проводящая на площадке. Сначала они сидят, видимо поглощая энергию, а затем вскакивают и словно бешеные начинают поднимать гири. Как только у них заканчиваются силы, то снова садятся на песок. Виргл седьмая, двое шестая, остальные пятая и одна четвертая звезда. Четвертая, кстати, это как раз крысеныш Скирто. Единственный слабак среди них, а Виргл любит сильных. Но он берет другим, мелкий поганец. Я поморщился, вспоминая крысёныша. Его из всей этой шайки я ненавижу лишь чуть слабее Виргла. Вроде бы они сильные, в четырнадцать лет седьмая и шестая звезда – это почти нормальный талант, согласно наставлению. Но они все здоровяки, Порто так вообще уже скоро в дома боком проходить будет. Это первое, что заставляет меня скептически относиться к их способу тренировки, подозревая, что они явно развивают не меридианы. Второе – это крики Орикола о дебилах, когда он вспоминает, что является учителем закалки, и все же выбирается на площадку.

Снова обратимся к достойным примерам. Отец, Орикол и мама. Отец был могуч телом, не такая гора, как Кардо, но все же. Он был кузнецом и наверняка с

детства таскал тяжести, но в начале Возвышения свернул не туда. Орикол тоже широк в плечах и словно переплетен мышцами, его истории я не знаю. Мама совсем не похожа на самую сильную женщину деревни, которая тоже имеет восемь звезд – Миргло. Я вздрогнул, вспомнив ее. Не дай боги такую жену! Бедный Котил! Не знаю, как проводила Возвышение мама, но сомневаюсь, что она круглыми днями таскала тяжести в трущобах, если уж вспоминает о недоедании. Значит, не стоит мне вообще подходить к тяжестям, и… тут я даже остановился, расплескав воду. Не есть? Как-то я не готов к таким жертвам. В наставлении не было ни слова о голодании. Четыре года недоедать? Нет, твердо сказал я себе. Это только на самый крайний случай! Мы и так скудно питаемся, жрать постоянно хочется. Кардо нам сильно урезал пайку, по сравнению с остальными, за общественные работы. Если бы не дядя Ди…

– Эй, Леград! – окликнул меня Порто, прерывая мои размышления. – Иди сюда.

– Что хотел? – мрачно уточнил я, не ожидая милостей и разминая руки после новых, еще ворсистых веревочных ручек тяжелых ведер, которые на самом деле просто корзины, плетённые из камыша и обмазанные тонким слоем глины.

– Виргл сказал, что как закончишь с грядками, то с тебя сорок килограммов камней, – подтвердил мои опасения Порто.

– Весь прошлый месяц было двадцать, какого дарса? – возмутился я. С этим здоровяком, которому я не достаю даже до плеча, как ни странно, можно позволить себе проявить чувства.

– Если уж ты спрашиваешь, – Порто пожал плечами-глыбами, мышцы которых плотно облегала тонкая кожаная рубашка. Он, наверное, тяжелее меня раза в два, – выше по течению руина лопнула.

– Да если об этом все знают, то и выгребли все уже там, – заметил я скептически.

– Там выгребли, но редко в одном месте разрушается, – невозмутимо ответил здоровенный парень.

– Да ладно! Просто у Виргла появился законный повод увеличить норму. – Я сплюнул скрипевший на зубах песок. На эти слова Порто лишь молча пожал

плечами, он никогда не позволял себе обсуждать решения своего главаря. – Хорошо, я понял. Две нормы на благо деревни от любимца Виргла.

«Этот вонючий дарс Виргл!» – продолжал я возмущаться его действиями, шагая вниз по течению и до боли сжимая камень в кулаке. Идти туда, куда говорил Порто, бесполезно, там наверняка все обыскали даже по пути к месту. Неделю меня не ставили на камень, и я был рад этому. А зря! Он снял меня с этой работы, как только узнал про свежую россыпь. А теперь, когда ее выгребли, поставил меня обратно с повышенной нормой! «Сволочь! Здоровый, тупой урод! Чтобы тебе голову напекло! Чтоб тебе по пьяни Орикол пинка отвесил!» – начал я проклинать Виргла.

«Стой, стой, стой!» – я попытался себя успокоить. У меня есть цель. Впереди еще четыре года. Если я на каждую мелкую подлость буду так реагировать, то точно не доживу. Буду так себя распалять, то однажды брошусь на Виргла или его подручного, на Скирто уж точно. И все. Это будет моим концом. Если я дам такой шикарный повод Кардо, то меня точно накажут. И не будут пальчиком грозить. Скорее сразу выкинут из деревни. Иначе говоря – убьют. Пацан один в пустоши? И хорошо, если мама выдержит и не сорвется, как я. Это будет просто небесный подарок для нашего «не совсем вождя». Мы все окажемся в его полной власти. Например, он на законных основаниях просто убьет всех нас. Хорошо, пусть Лейлу не тронут, но она останется одна. Или он потребует от мамы греть его постель, если она не хочет, чтобы дети оказались за оградой. Я вздрогнул от одной только мысли об этом. Ни за что! Поэтому нужно немедленно успокоиться и учиться с улыбкой встречать такие моменты. Я посмотрел на камень в руке и вернул его в мешочек. Сначала нужно обрести силу.

Сорок килограммов? Хорошо. У меня припрятан неплохой мешок камней, но его мы оставим на черный день. И вообще лучше бы запас увеличить. Я становлюсь старше, и Виргл наверняка будет увеличивать норму, даже не дожидаясь удобного случая. Возможно, сегодня появился первый робкий квартик. Поэтому нужно готовиться к худшему. Не сдам сегодня норму, и меня лишат пайки еды? Хорошо, пусть так. Значит, действительно поголодаю, не давая шанс мышцам вырасти, и отдам еду за полив огорода маме с сестрой. И главное – улыбаемся. Глядим на голубое небо и улыбаемся. Глядим на черные руины Древних и улыбаемся, даже если от их несокрушимых стен не отвалилось ни кусочка. И, пожалуй, хватит бесполезно тратить время. Пора начать практиковаться в Возвышении. Я выбрал место в руинах, чтобы меня не только не было видно со стороны, но и подойти незамеченным было сложно. Не нужно никому знать, что

я получил доступ к методике закалки. Иначе это будет только вопрос удачи, как быстро об этом узнает вождь-убийца и его сыночек. Боюсь, тогда моя жизнь тоже будет в опасности. Он может не опасаться застрявшей в Возвышении женщины и необученного пацана, продолжая издеваться над ними и искать границы их терпения. Но увидев намек на будущую угрозу – кто знает, как он решит ее устранить. Незачем рисковать своей жизнью и будущим моей семьи.

Почти час заняла у меня попытка научиться держать в голове образы светящейся пыльцы и расходящейся по телу энергии. Я решил, что самым лучшим будет представлять, как при каждом вдохе силы в моем теле загорается голубой узор меридианов и узлов. Один в один как в книге. Буду воображать, как постепенно меридианы впитывают энергию, что я поглотил, и растут, становясь ярче. Еще больше времени ушло на то, чтобы научиться шагать и, не теряя концентрации, представлять в голове эту пыльцу. В итоге я, ломая ноги на этих руинах и заново создавая пропавший образ, понял, что слишком много хочу в первый день. Идеально будет этим заниматься на поливе. Не такие уж неподъемные ведра, ровная лестница, монотонное занятие, не требующее внимания – идеальные условия! И отложил попытку поглощения энергии. Иначе я точно ни одного камня не соберу и даже куска мясного корня не получу.

Стоило мне принять это важное решение и облегченно вздохнуть, как жизнь подкинула еще один выбор. За очередной стеной я обнаружил камень. Причем он один перекрывал своим весом всю мою сегодняшнюю норму. А значит, был еще ценнее. А почему? Да потому, что здесь все, что было построено Древними, либо давно рассыпалось в песок, дающий своим цветом название нашей пустоши, либо такое крепкое, что нашим инструментом его просто невыгодно добывать. Будь у нас достаточно небесных металлов из первого пояса, хотя бы красного, всё было бы по-другому. Но они слишком дороги. У отца были маленькие пробойники из льдистой стали. Это всё, на что хватило в свое время немалого заработка деда. Не слышал, чтобы у Газила было что-то подобное. Иначе кости Рауха не ценились бы так.

Вот и приходится надеяться на удачу. Иногда, даже не очень редко, оставшиеся руины словно лопаются, сдавшись времени. Но чаще всего они при этом рассыпаются на довольно мелкие, с мой кулак или, реже, кулак мужчины. А вот крупные куски – редкость. В нашем доме дороже всего не его беленые стены, сложенные из самана, а наш стол, который одновременно и большой и плоский. Вот и передо мной лежит камень почти похожей формы, только вдвое меньше, редкая удача. И мне нужно выбрать, следовать ли принятому решению – как

можно меньше трогать тяжести, или нет. Все же он для меня очень тяжел, тем более тащить его предстоит далеко. Это совсем не сравнить с водой до огорода. Нет, решительно помотал я головой. Нужно быть твердым. Тем более, если случилось чудо и после моих недавних попыток Возвышения в меридианах плещется немного больше силы, чем обычно, то она наверняка уйдет в мышцы. А значит, лучше поступить иначе.

Спустя три часа я уже был в деревне. Мне пришлось пройти ее насквозь. Хранилище камней у нас с другой стороны. Два невысоких узких и длинных строения, небрежно перекрытых сверху драконьей травой всего в один слой. Это так мало, что внутрь легко проникают солнечные лучи через многочисленные щели, а в дождь здесь всегда лужи. Но внутри лишь кучи камней, которым это ничуть не вредит. В хранилище множество дверей, через которые удобно носить камень до ближайшей кучи. Между зданиями, под отдельным и добротным навесом, стоят огромные весы, сделанные из редкого в наших краях дерева и железных чаш. Тут использован драгоценный целый и ровный ствол неведомого мне дерева. Рядом куча принесённых за последние дни камней. Я с грохотом высыпал камни из мешка на мерную чашу и активно крутил головой, оглядываясь в поисках нужного человека.

– Двадцать два, – зевнув, Ларг сделал отметку на доске, висящей на складе, и посмотрел на меня.

– Согласен. – Внимательно посмотрев на мерные камни, которые Ларг положил на вторую чашу (он не был замечен в обмане, но осторожность не помешает) подтвердил я и спросил, ткнув пальцем в несколько строк выше своего имени: – Подскажи, уже ушел на добычу?

Ларг отрицательно помотал головой с неровно обрезанными, видимо под горшок, волосами, высыпал мою добычу в общую кучу, отряхнул чашу от пыли, закрепил ее веревку на плече весов и снова устроился в тенечке, тут же закрыв полные сна глаза. А я, направляясь к дому дяди Ди, вдруг задумался. Может, Ларг не спит, а просто всегда погружен в Возвышение? Ха-ха-ха, – развеселился я, – отличная отмазка для этого лентяя.

– Эй, есть кто дома? – позвал я, зайдя за невысокую ограду, сложенную из совсем мелких камней и глины.

– Чего тебе, нахлебник? – раздалось в ответ, что заставило меня пожалеть о своем порыве, хотя я подозревал, что так и будет.

– Здоров, Рат, я видел твоё имя на камнях, – я улыбнулся и выкинул сожаление из головы.

– Ищешь, кто поможет тебе с ними? – насмешливо предположил выглянувший из-за старенькой циновки пацан, немногим меня старше и прилично выше.

– Почти угадал, – я показал ему большой палец, хваля за удачное предположение. – Хочу помочь тебе.

– Похоже, мне уши забило песком, я им не верю! – Рат вышел из дома и стал демонстративно ковыряться пальцем в ушах. – Может, последний квыргал стал тебе поперек горла?

– Рат, слушай, – я примиряюще выставил перед собой руки, даже не злясь на него, так смешно выглядели его кривляния, – давай не будем ссориться. Я пришел потому, что могу тебе помочь, а мне тот камень все равно не дотащить.

– Камень? – заметно было, что парень снова готовился сказать что-то язвительное, но я сбил его с мысли.

– Да, да. Пластина килограммов под пятьдесят, – я уже даже не скрывал улыбки, глядя на его страдания: уж слишком жирный куш. Это мне с него не получить всей выгоды, а вот Рату его зачтут как минимум в двойном размере.

– Хорошо, нахлебник, – не смог не уколоть Рат, – идем, оплатишь мясо, не положенное в наш котел.

– Не, не, не! – не согласился я. – Идем, я тебе подгоню по-соседски каменюку.

– Идем, – процедил сквозь стиснутые зубы Рат после почти минуты молчания, когда он, видно, уговаривал сам себя.

– Ну и отлично, – довольно заметил я. – Сходи к Ларгу, возьми переноску, и встречаемся вон там.

– Хороший камень, – нехотя признал сын дяди Ди, прервав свое почти часовое молчание, и поправил шнурок, стягивающий волосы. – Может, сдадим вдвоем?

– Не, – отмахнулся я. – Тащи сам, мне он слишком жирный будет, да и на тебя Виргл будет косо смотреть, если Ларг ему доложит.

– Да ему лень будет столько языком болтать, – упрямо продолжил Рат.

– Это ты не ленись, бери и тащи, а мне еще двадцатку до темноты собрать нужно. – Я решил закончить бесполезные споры и забраться повыше, чтобы оглядеться и наметить путь, а потому принялся карабкаться по стене.

– Еще норму? – непонимающе уточнил Рат снизу.

– У любимчиков свои привилегии, – насмешливо ответил я ему уже с третьего этажа.

Отсюда открылся удивительный вид на пустошь. Над широкой полосой белого песка, стелющегося почти до горизонта, обычная блеклая серо-зелёная полоска весенних трав пустоши неожиданно раскрасилась яркими желтыми пятнами, которые, казалось, сейчас оторвутся от земли и взлетят в нависающее над ними темно-синее небо.

– Эй, стой! – крикнул я в спину уходящего Рата.

– Чего? – мгновенно обернулся мальчишка. – Передумал?

– Нет, – я еще и помотал головой. – Есть еще предложение.

– Такое же выгодное? С удовольствием! – Рат аккуратно опустил камень и довольно потер руки.

– Не совсем. Не выгодное. А если поймают, – я помедлил, – то еще и накажут.

– Кхе, – закашлялся мой собеседник, замолчал и принялся перетягивать ремешок, который стягивал его длинные, ниже плеч, волосы в хвост на

затылке. – Ладно, рассказывай.

– Мне сверху видно все, – таинственно начал я. – И вижу я, что начала цвести акация.

– Да, время пришло, уже почти лето началось. Отец вчера еще сказал, что зацвела. И?.. – Рат вздернул бови.

– Я не знаю, как ты, а я хочу сделать подарок сестре. Принесу ей цветов, – ткнул я пальцем в сторону пустоши.

Я видел сверху и то, что Рат замялся, не готовый сразу согласиться на мое предложение. Да, дело пахло ремнем: если узнают, что дети уходили в пустошь без взрослых. Дело даже не в наказании, а в реальной опасности этого. Придется уйти с песков, где нам угрожают только скорпионы и змеи, и войти в пустошь, где легко можно попасться в лапы леопарда. Нам даже шакал страшен. С другой стороны, каждый в деревне, кому исполнилось хотя бы восемь-десять лет, хоть раз, но сбегал в пустоши. Чаще из простой бравады или на спор. А я предлагаю дело. Пусть и совсем никчемное в глазах некоторых.

– Уговорил, – хлопнул в ладоши Рат. – Мне как раз нужно замириться с Дирой.

Присыпав камень песком, мы легким бегом, которым старые охотники могут часами передвигаться по пустоши в случае нужды, минут за сорок проскочили полосу почти голого белого песка, и под нашими ногами появилась первая скудная земля пустоши с пучками еще по-весеннему яркой травы. Обычно пояс песка вокруг деревни гораздо шире, но не в этом месте. Иначе я и не смог бы, пусть даже с высоты, увидеть деревья. Здесь, не считая редких светлых скал, оставшихся от почти полностью разрушившихся зданий Древних, негде укрыться хищнику, но мы все равно остановились и внимательно огляделись. Рат ткнул меня в бок и показал, в какую сторону нужно смотреть. Квартики. Вернее, их дозорный выглядывает из-за кочки, оценивая нашу опасность. Намек понятен. Любой ребенок знает, что если видишь этого осторожного мелкого хищника, то врагов рядом нет. Бежим дальше.

– Ты так не успеешь собрать камней. Мало времени до темноты останется, – нарушил молчание Рат.

– Ерунда. – Я воспользовался поводом и остановился перевести дух. Я не столь вынослив, как Рат, и пот уже начал лезть в глаза, привлекая мух. Выбрал кусок рукава почище и вытер лицо. – Не первый раз я не выполню двойную норму.

– А вообще лихо у тебя выходит! – сын дяди Ди улыбнулся и показал мне большой палец. – Я видел там на доске уже двадцать два… Я обычно с обеда почти до вечера по руинам ползаю.

– Просто это охота не для тебя, – подколол я парня, который мечтает ходить с отцом в пустошь.

– Даже не подумаю спорить. Я учусь добывать мясо, которое оставляет за собой следы. Мне нет дела до хитростей камней. Осталось не так долго, и я забуду про это муторное дело. Уж лучше сидеть скоблить шкуры от жира или полировать рога.

Я лишь молча развел руками и, не ответив, побежал.

– Удачно, – теперь я ткнул пальцем в сухую палку, валяющуюся у подножия выбранного дерева. Как это сборщики, которым разрешено после сезона дождей собирать сухую древесину, пропустили ее? – Ты с ней стоишь на страже, а я полез.

Ухватившись поудобнее за низкую ветвь, я подтянулся, взбираясь по шершавому стволу приятного темного оттенка. Сложность начнется, когда я начну пробираться по ветке. Дерево сплошь покрыто шипами длиной в половину моей ладони. Хорошо, что мне нет резона беречь одежду. Она и так стара и вся в дырах. «Ну-ка, еще чуть-чуть», – подбодрил себя. Я добрался до удобного места, с которого наконец смог дотянуться до свесившихся сверху молодых веточек с цветами. Девочки будут рады.

Глава 4

Сегодня я чуть пораньше вышел на работы, поскольку не знал точно, как долго мы будем вдвоем собираться и как быстро дойдем, а потому сейчас беззаботно

лежал на берегу реки и бездельничал в ожидании, пока подтянутся остальные. Можно было бы и самому начать работать, да, боюсь, никто не оценит. Лежал я с полным комфортом, потому что беспокоился о сестре и припас циновку из рафии, которую и раскатал на сухом песке. От реки немного тянуло ночной прохладой, но, если помнить о наступающей жаре, это было даже приятно. Поэтому расположившись с полным удобством, я развлекался тем, что рисовал на небе воображаемые картины, которые создавал в своей голове из разноцветных завихрений энергии. С каждым днем эта фантазия у меня получается все лучше и лучше. Теперь даже летающие в вышине птицы не мешают мне, наоборот, я научился с их помощью делать свои картины все более живыми. Это вообще не имеет отношения к Возвышению, но неплохо меня успокаивает и настраивает на предстоящую кропотливую работу со своим телом. Сверху начал раздаваться знакомый визг, Скирто появился, пора начинать, пока он нас не заметил. Я с неохотой начал нежно гладить по светлым волосам Лейлу, которая пригрелась у меня под боком и задремала, добирая самый сладкий утренний сон. Просыпайся, цветочек.

Это очень странно, я в ошеломлении глядел на свои руки без единого следа веревок от ведра. Эти два месяца, которые я провел, представляя себя впитывающим энергию на каждой ступеньке лестницы, принесли мне ощущение, что с каждым днем ведра становились все легче. Но я с недоверием отмахивался от любых мыслей об увеличении уровня Возвышения, списывая все на свое взросление. Но вот, полив установленные себе как веха три ряда уже почти выросших и готовых к сбору мясных корней, я по привычке остановился размять ладони, в которые обычно впиваются до белых полос ручки тяжелых глиняных ведер. И не вижу ни единого следа, да и вообще не ощущаю ни усталости, ни ломоты в плечах. Хотя еще вчера все было как обычно. Были и затекшие пальцы, и разламывающиеся плечи. Прорыв на звезду, неверующе подумал я и глупо улыбнулся. А затем меня сбил с ног пинок, утопив мою улыбку в песке.

– Почему ты отдыхаешь, отброс? – ворвался в уши визгливый крик Скирто, а вопил он с наслаждением, видно, долго ожидал момента, и я его не подвел, хорошо подставился. Не зря ведь всегда в очередь крысеныша отдыхал вне его глаз. – Почему ты, здоровый лоб, стоишь, отдыхаешь, когда все работают?

– Прости, Скирто. – Я выплюнул песок и забормотал, не поднимая головы: – Руки свело.

– Что ж ты за неженка? Ты как баба! – Скирто принялся пинать меня в сторону обрыва, а я не решался даже немного ему сопротивляться, потому что, если моя догадка верна, то я сейчас так же силен, как крысеныш. И нельзя дать ему это понять. – Катись, катись работать!

– Не бей его! – неожиданно рядом раздался тонкий голосок, и между мной и Скирто выскочила Лейла, размахивая нашим полевичком и брызгая из него водой на крысеныша.

– О, соплячка! – удивился и даже, кажется, обрадовался Скирто. – Тебя еще тут не хватало, не лезь в разговор мужчин.

– Ты бьешь его! – снова закричала Лейла, не обращая внимания на поднявшего руку Скирто. Так что мне пришлось дернуть ее к себе, чтобы он ее не ударил. Боюсь, тогда бы я не смог сдержаться.

– Я тебе сказал не лезть, соплячка? Сказал. Ты лезешь к мужчине? Лезешь, – принялся погано ухмыляться Скирто своей крысиной мордочкой, опустив руку. – И не работаешь, и твой никчемный брат не работает. Еще и голос какая-то сопля поднимает. На кого? Вы сегодня жрать не хотите? Мусор, что ты молчишь, я тебя сегодня не узнаю, ты решил теперь начать прятаться за юбкой или наконец прикусил свой поганый язык? Вот печаль!

– Все, все! – Я наконец смог стереть с лица счастливую улыбку и без опасения поднял голову от песка, прекратив оглядывать ккрысеныша исподлобья. – Сейчас мы с сестрой умоемся, заново полевичок наполним и будем работать дальше.

– А я разрешал вам уходить? – поразился Скирто и, расправив узкие плечи, задрал нос в небо. – Поглядите на него, люди, – картинно развел он руками, обращаясь к замершим на грядках мелкой ребятне и подросткам. – Я только сделал ему замечание, что он много отдыхает, как он решил вообще свалить проветриться к реке. Конечно, там сейчас прохладно!

– Хорошо, – тоже развел я руками. – Давай я отолью прямо на грядки.

– Ах ты, сучонок, – Скирто оскалил свои кривые желтоватые зубы, как никогда становясь похожим на свою кличку. – Самый умный, да? Иди, отливай и можешь

не возвращаться назад. Будешь вечером пустую воду хлебать.

– Умный? Нет, – насмешливо покачал я головой, редко, когда эта пронырливая сволочь так глупо подставляется, да и зря он руку поднял на мелкую. – Я самый сильный здесь. Я уйду, но останутся мои неполитые девять рядов. И их польет, польет… – Я начал водить пальцем по свидетелям нашей стычки, а потом ткнул в подходящего: – Следующий по возрасту после меня, Тукто!

– Скирто, сразу говорю, – тут же подал тот голос, – иди в жопу! У меня и так уже руки отрываются. Девять рядов, это просто до хрена. Да даже ряд сверху мне на хрен не нужен. И ты, Леград, иди в жопу со своим пальцем. Не хрен в меня тыкать.

– Нет желающих? Что же тебе делать? Ах, прости, прости, – замахал я руками. – Ведь самый сильный здесь не я. Ведь здесь есть ты, четыре звезды!

– Сука! – выдохнул взбешенный Скирто и шагнул ко мне.

– Ты просто сам польешь их и честно получишь мою пайку, да? – Я одновременно с крысенышем отступил, утягивая за собой сестру, продолжать дальше я не буду, хотя на языке многое вертится, он и так уже на грани. Нужно знать меру.

– Отливай. Возвращайся. Поливай, – коротко выплюнул Скирто слова и, пнув песок так, чтобы он обсыпал нас с сестрой, повернулся ко мне спиной.

Я с глупой улыбкой потянул пищащую и трущую глаза сестру к спуску. Да, в следующий раз Скирто оторвется на мне за свое унижение, подсунув ведро со щелью или просто сбив с ног, но это того стоило. Я два месяца вел себя как пугливая мышь или квартик, терпеливо снося все унижения. Пусть это будет мне награда за мою первую звезду.

– Лейла, хватит дуться, – я шутливо брызнул в нее водой.

– Ты сказал, что мне нужно в туалет, – ткнула она в меня пальцем и снова отвернулась.

– Не обманывай, – я сгреб ее в охапку и начал обнимать. – Я сказал, что тебе нужно умыться.

– Не сильно лучше, – сестра сначала делала вид, что вырывается, а затем буквально влипла в меня, стараясь крепче прижаться.

– Родная, тебе уже почти шесть, а потому ты будешь все чаще попадать работать со мной. Я часто ругаюсь с шайкой Виргла.

– Вначале ты тоже ругался? – перебила меня Лейла.

– Кхе, кхе, ладно, – я решил быть проще с этой мелкой врединой. – Меня часто бьют. Не смей вмешиваться. И я, и мама боимся, что станет хуже. Терпи и не смей никуда влезать. И бойся старших, запросто могут тебя ударить. Ты поняла?

– Ты злой, – обвинила меня Лейла, не переставая обнимать.

– Ты поняла меня? – уточнил я, приглаживая макушку мелкой. Несколько прядей вырвались из-под шнурка, что стягивал ей косичку на затылке – вечно у меня убегают пушистые волосики, когда я ее заплетаю.

– Поняла, – грустно ответила сестра.

– Раз поняла, то беги к своей тяпке и не забудь про полевичок, – я легонько хлопнул ее по попе, дождался в ответ показанного языка и подхватил свои ведра. Нужно проверить свою догадку и заодно порадовать Скирто ударной работой.

Следующие два часа, которые я без отдыха таскал ведра, ясно показали, что я действительно шагнул на следующую ступень закалки. Я не ощущал тяжести ведер, почти не уставал, а на моих руках так и не появились следы от переноски тяжестей. Внимательно оглядев свое отражение в реке, я решил, что новых мышц почти и незаметно, а значит, моя закалка проходит идеально. Разрушая свой образ, я зачерпнул воды ладонью и изобразил на старой джутовой рубахе следы пота, чтобы не давать повода для подозрений Скирто. Ничего, крысеныш, пинай меня, пинай. Если два месяца назад я мог только успокаивать себя надеждами, то сегодня я знаю точно, что придет день, когда я отомщу всей

вашей шайке. А возможно, и убийце. Я за два месяца сделал то, на что у тебя, шавка Виргла, ушло три года. А может быть, я потратил даже меньше времени. Месяц назад как-то само вышло так, что светящаяся пыльца стала сливаться в моем воображении в тонкие нити. И я ничего с этим поделать не мог, а затем и не захотел, потому что такой образ возникал в моей голове гораздо легче. Возможно, именно поэтому в наставлении и не указывалась верная картина поглощения энергии. Практик, начавший поглощать силу миру, сам оказывается на верной дороге. И, похоже, она у каждого своя.

В подавленном настроении я снова сидел в своем тайном убежище и печально бросал камешки в воду, ставя точки в своих мыслях. Несколько дней я был счастлив от совершенного прорыва, от надежд на будущую месть. В своих мыслях я предавался мечтаниям и строил планы на будущее. Затем я обратил внимание на свои руки. На ладонях кожа не стала толще, не превратилась в чешуйки или еще что. Даже старые мозоли остались на месте. Но проведя несколько опытов со все теми же ведрами, я выяснил, что эффект сопротивления повреждениям был только на кистях. Если ладонь сопротивлялась даже ножу, который только после сильного нажатия оставлял царапину, то остальная кожа осталась прежней и после попытки пронести ведра на предплечьях, сцепив руки в замок, остались глубокие следы. От открывшихся перспектив у меня захватило дух. Орикол болтал о техниках усиления тела, которые позволяли переносить удары мечей и укусы зверей. Но это же были техники Воинов Развития Духа! Техники, которым учатся если не годами, то многими месяцами! А тут я стал обладателем схожего эффекта лишь после двух месяцев работы с меридианами. За четыре года можно значительно развить эту способность! Я начал придумывать способы, которыми можно было бы закалить все тело, как вдруг меня пронзила страшная мысль. Что я делаю?! Чем мои действия будут отличаться от действий Виргла, который старательно напрягает мышцы, обрастая ими все больше и больше? Вот теперь я сидел и переживал о том, что, похоже, сделал всего шаг в своем Возвышении и уже споткнулся о вторую преграду. Причем о такой уникальной проблеме я даже намека не видел в наставлении по закалке. Впрочем, кто будет описывать редкие случаи в наставлении для отбросов! Вероятно, есть миллионы практикующих, которые подняли вес, но в итоге не сдали экзамен, потому что развили не меридианы, а мышцы. А я, видимо, стану первым практикующим, который не сдаст экзамен, потому что развил не меридианы, а кожу. Я бросил очередной камушек: «Идиот! Отброс!»

А затем я замер с поднятой для броска рукой. Стоп, стоп, стоп. Упершиеся во вторую преграду развивают мышцы, а не меридианы, и все равно становятся сильнее. Сложно не стать сильнее, когда мышцы вспухают буграми, напитанные энергией. Но если я развиваю кожу на сопротивление и это действительно преграда, то за счет чего я стал сильнее? И второй вопрос, а за счет чего мама поднимает шесть своих весов? Если предположить, да что значит предположить, по-другому и не выходит! Если развитые меридианы усиливают те мышцы и кости, которые уже есть у практикующего, на степень своего Возвышения, если они могут позволить стать в несколько раз быстрее, а об этом прямо указано в наставлении, то почему они не могут усилить кожу? Ведь она у меня совсем не изменилась! И если я прав, то мне смело можно закаливать все моё тело, потому что никакой второй преграды у меня нет и в помине. Но кое-что нужно уточнить у мамы, когда я недавно спрашивал у нее, поднимала ли она тяжести в своем детстве, то об этих вопросах я даже не додумался. Поскорее бы вечер! Надеюсь, со шкурами время сегодня пролетит быстро.

– С возвращением! – Я снова, как и всегда, помог маме расстегнуть ремни переноски, но на этот раз еще и попробовал украдкой ее приподнять и, почувствовав, как огромная, выше мамы, переноска, набитая лепешками и камнями, шевельнулась, удовлетворенно улыбнулся.

– Мам? – Сидя спиной к шкуре-занавеске, я, не в силах больше терпеть, начал задавать вопросы: – А ты сколько сдавала экзаменов?

– Начиная с четвертой, на каждую звезду сдавала. В Арройо всех сдавших экзамен досыта кормили, да еще и мясо выдавали как награду. Ну, на первых двух звездах. Да и потом… В общем, я всегда два раза в год ходила на экзамены.

– Два раза? – удивился я.

– Арройо – большой поселок, главный в Черной пустыне. Я же говорила тебе, что у нас даже Воин постоянно живет. Именно он и объезжает такие дыры, как эта, – зло закончила мама, как всегда, когда вспоминает, где сейчас мы живем.

– А сдавала с первого раза?

– Нет, если честно…

Я внимательно слушал еле слышную за звуками льющейся воды маму.

– Никогда с первого раза не получалось. Лучший результат был со второго раза на шестую звезду. Счастливое время.

– А мозоли у тебя бывают? – перебил я ее.

– Кхе, – откашлялась мама. – Странные вопросы. Нет, я восьмая звезда, я уже и забыла, что такое мозоли.

– Ага, – я даже начал подпрыгивать на скамье, услышав подтверждение своим домыслам. – А когда они исчезли?

– Не помню, – задумчиво протянула мама, выходя из-за шкуры и скручивая влажные волосы в пучок. – После экзамена на пятую звезду, когда меня взяли учеником к Кривому Олу, я, наверное, еще года два мучилась ими при работе со шкурами.

– Так, значит…. – начал я бормотать себе под нос, примеряя узнанное из разговора к себе, но меня отвлекли.

– С чего такие вопросы, родной, что случилось? – мама схватила меня за руки и начала внимательно осматривать мои ладони.

– Да так, – я помялся, но под тревожным взглядом серых глаз мамы сдался и, убедившись, что Лейла возится, наводя порядок в умывальном углу, за шкурой, потыкал в руку подхваченным со стола ножом.

– Так! – удивленно протянула мама. – Я видела подобное, но там, у охотника, кожа была больше похожа на коросту. Говорят, съел какой-то алхимический ингредиент. И приятного у него в жизни с такими руками было мало. У тебя же, – мама еще раз провела тонкими пальцами по моей ладони, – нормальная кожа, мягкая, еще детская. Надеюсь, ты не ел никакую траву?

– Чего вы там шепчетесь? – к нам выскочила возмущенная Лейла, сверкая зеленью любопытных глазенок.

– Я спрашиваю у Леграда, почему он забросил читать? – строгим голосом ответила ей мама, а затем развернулась ко мне, ткнув пальцем в грудь. – А, родной? Почему я уже месяц вижу закладку на одном месте?

– Мама! – я возмущенно застонал, ошеломленный такой быстрой, а главное неприятной для меня сменой темы. – Я почти весь день на работах, могу я хоть вечером немного отдохнуть?

– Ты, конечно, можешь отдохнуть, – мама показала рукой на мой лежак, покрытый шкурами. – Лечь, полежать, а потом, приехав в Арройо, разговаривать как дикарь, только вышедший из пустыни!

На эти слова я привычно закатил глаза, выражая свое отчаяние.

– Не изображай небесную скорбь! Иначе я начну рассказывать, как мне пришлось тяжело в прошлом! Тебе осталось только три книги!

– А потом ты опять выменяешь новые у торговца. Знаем, проходили такое, – сморщился я. – Но ты права. Я постараюсь читать каждый день.

– Я тебя не узнаю, – подняла брови мама, даже Лейла, уже начавшая раскладывать немудрёный ужин по простым красным толстым мискам, посмотрела на меня удивленными глазами, не услышав моего обычного брюзжания.

– Не уверен, что мы вернемся в Арройо, – я напоказ покрутил перед собой рукой. – Но выглядеть в чужих глазах косноязычным нулевиком совсем не хочется.

– Ты опять не веришь, что твоя мама насобирает нам денег на караван! – возмущенно начала мама и вдруг замолчала. – Подожди, как странно ты построил фразу. Лейла, дочка, сходи в сарай, возьми из оплетенной хранушки три куска сладкого корня, ты сегодня умница у меня.

– Ух ты! Спасибо! – сестренка с горящими глазами отбросила со своего пути циновку, исчезая за порогом.

– Ты намекаешь своей маме, что ничего не ел, а успешно практикуешь, и твой успех в Возвышении всего за два месяца не только странная кожа? – у мамы начали блестеть глаза от рождающихся слез. А я молча подошел к ней и, обняв ее, легко оторвал от пола. – Римило, ты видишь это? – мама смеялась, вытирая слезы со щек, и не сводила с меня глаз.

Глава 5

Отличное место для новой тренировки, подумал я, с удовольствием осматриваясь. Жаль, что находится оно далековато от деревни. Часто бывать здесь у меня не получится. А еще оно чуть дальше, чем безопасная зона вокруг нашего селения. Не почти голый песок, окружающий деревню, а тот огромный воображаемый круг, в котором любые звери, годные в пищу, выбиты уже многие годы. Ну, кроме мелких квыргалов, квартиков и песчаных крыс. Так же как и выкопаны любые травы Древних, впитавшие в себя энергию мира. А если там нечего есть, то и обычным хищникам делать нечего. А если нет трав, которые могут сделать сильнее, то и Звери не станут тратить своего времени. Но я сейчас почти в получасе ходьбы от этой воображаемой границы. И это справедливо для сытного времени, а сейчас стоит самая жара, и вся трава в пустоши пожелтела и высохла. Шакал, да и кто покрупнее может соблазниться добычей квыргала и войти в пески руин, которых обычно избегают. Поэтому стоит быть внимательным и осторожным. Не Черная гора, но все же.

Когда-то очень давно, если верить книгопечатникам Морозной Гряды, триста шестьдесят шесть лет назад, в этом месте стоял огромный мост, соединявший две части города Древних на берегах реки. От города мало что осталось в день его гибели. А вот мост оказался немного крепче. Он выстоял в солнечном пламени, залившем эту землю, и лишь годы спустя стал сдавать, разламываясь на части. Но если обычные здания Древних, разрушаясь в наши дни, превращались обычно в мелкие обломки, то здесь все было наоборот. Мост разломился на гигантские куски, сохранив по меньшей мере половину прежнего объема. И сейчас, одетые в белопенные буруны, из воды торчали его черные останки.

За три месяца я перепробовал на себе массу странных и просто безумных вещей, которые только приходили мне в голову. Я таскал ведра на предплечьях и на

шее. Разумеется, только тогда, когда смотрящими за работами были Порто или Ларг, которым не было дела до меня. Да и на их глазах я вел себя вполне обычно. Я обтирался песком дважды в день и первое время, когда выступала кровь, даже всерьез опасался, что занесу какую-то заразу в ссадины. Я устроил в своем тайном месте лежак из мелких острых камней, на котором лежал часами в дни, когда уходил на поиски камней. Я даже хлестал себя веткой колючки и тыкал шипами акации, которые есть в каждом доме. Но всего этого уже было мало, моё тело стало достаточно сильным, чтобы просто не замечать такие издевательства, переведя их в раздел мелких неудобств. Сейчас я с легкостью добыл бы цветы акации, на радость Лейлы, не получив ни одной царапины. И сегодня я пришел для испытания нового способа.

Добрый час я потратил на осмотр окрестностей и подготовку места тренировки. Для этого я припас хорошую длинную веревку, которую пришлось добывать через Рата. Отношения с ним у меня наладились после того похода за цветами. В последний раз я отдал ему три свои ухоронки с хорошими камнями, а он, якобы для себя, потратил полученные рабочие доли на эту вот веревку. Последнее время он вообще стал в деревне считаться удачливым камнедобытчиком. Но каждый раз, слыша похвальбу в свою сторону, лишь кривился. Ему ли было не знать, что это моя слава. Обычно возвысившиеся выше четвертой звезды тут же освобождались от детских работ и получали место новика в охотничьих командах. То, что тот же силач Порто наблюдал за поливами огородов, объяснялось лишь одним – это был его день отдыха, когда он полдня работал на деревню, а затем был совершенно свободен. Так вот. Я был совершенно уверен, что тоже достиг пятой ступени, но по-прежнему ходил на поиски камня. С моей новой силой, ловкостью и выносливостью я почти не тратил сил, обыскивая руины по берегам реки, легко поднимаясь на верхние этажи в такие места, куда не могли попасть остальные подростки. Так что моей добычей стали просто огромные запасы камня, скопившие в развалинах за долгие годы, пока их добычей занимались дети, которые я превратил в несколько тайных складов. Теперь я раз в две недели обыскивал новые места в руинах, действительно разыскивая камень для пополнения запасов, а в остальное время просто их тратил, всегда принося на сдачу немного меньше назначенной мне нормы. А вот Рат часто приносил гораздо больше, потому что я вошел во вкус и через него достал новую рубаху тонкой кожи, взамен грубой джутовой, окончательно порванной при неудачном падении, флягу из тыквы-горлянки, которая всегда ждала меня в моем тайном месте, вот эту веревку, в конце-то концов. Дошло до того, что Рат начал подозревать, что мне действительно известен какой-то необычайный тайный секрет, например способ разрушения несокрушимых стен Древних. Он уже не верил в старое объяснение, что я просто удачливый и

внимательный охотник именно на камни. Пришлось ему выдать байку, что однажды нашел чудесное место, где все стены комнаты рассыпались на годные камни, вот теперь и таскаю оттуда найденное. Но он по-прежнему сомневается.

Я принялся крепить свою страховочную веревку. Интересно… Я наклонился поближе к мелкому каменному крошеву на краю огромного монолита и разгреб его, вытаскивая на свет что-то больше похожее на гигантский шип пустынной акации, чем на каменный обломок. Вот это находка! Он по размеру ничуть не уступает отцовскому кинжалу! Похоже, я ошибался, считая, что мост развалился на огромные куски. Я бросил найденный камень сверху на стопку своей одежды, он точно не пойдет на сдачу в деревне. Хорошо, что этот шип дождался меня. Я прошел по останкам моста так далеко, как только смог. Могу с уверенностью сказать, что до того, как облазил верхние этажи руин, в поисках камней, пройдя непреднамеренную тренировку ловкости, мне бы не удалось добраться до этой расщелины. Немалой – замечу – ширины расщелина, которую мне, пятой звезде, перепрыгнуть не удастся. А внизу, в провале этого каменного рта высится одинокий зуб. Вода реки, встречая на своем пути такое резкое сужение русла, разъяренно ускоряет свой бег и гневно ударяет в препятствие. И я позаимствую эту ярость для своей закалки. Последний прыжок перенес меня на верхушку зуба, а затем, немного поколебавшись, я скользнул в воду. Идеально! Я опасался, что придется болтаться на веревке, как наживка, но нет. Этот камень оказался под водой похож на ступенчатую пирамиду, и если сначала я оказался в воде по пояс, то шаг на вторую ступень погрузил меня ровно по шею. Я с рычанием оперся спиной о камень и выплюнул захлестнувшую меня воду: это будет очень интересная тренировка.

Вода ударяла меня, каждую секунду меняя направление, пытаясь сорвать с выступа, опрокинуть, сломать новую преграду ее бегу. Мне стоило больших усилий не просто сопротивляться стихии, но и поддерживать в голове образ вливающейся в меня энергии, но была и странная деталь. Казалось, синие нити, появляясь в воде, светятся немного ярче, чем обычно. Очень необычно.

Моя первая тренировка в воде продлилась недолго, несмотря на то, что я хитрил, экономя силы на сопротивление воде, упираясь в камень за своей спиной, но и это выматывало. Не прошло и пятнадцати минут, как ноги начали дрожать и подламываться. Хватит, решил я, иначе это уже будет тренировкой на выносливость, и, поймав веревку, принялся подниматься наверх. Но едва поднявшись на высоту роста над водой, я вновь оказался в ней. «Какого дарса!» – единственное, что я успел подумать, прежде чем обрадованная река

крепко приложила меня к камню и вынесла из расщелины на простор. Пришлось спускаться по течению минут десять, прежде чем я заметил место, где можно было подняться на берег. Выбравшись из воды, я оценил повреждения от удара и с досадой подумал, что предстоящая пробежка к остаткам моста обещает быть очень запоминающейся. Минут двадцать пробираться, будучи в несколько раз более осторожным, чем обычно. Я покачал головой и решил, что мне очень не хватает в деревне еще и рассказов о том, что этот отброс одичал до того, что голышом бегает по пустоши. К счастью, как я и ожидал, никто из охотников не завернул в руины возле реки, а потому мой забег так и остался тайной. А причиной моего падения, похоже, оказалась моя неопытность. Веревку просто перетерло о край, оказавшийся острым почти как нож. Наука мне на будущее.

Отмерив из тайника три четверти простой нормы камней, а это по-прежнему двадцать килограммов, я, обессиленный, возвращался домой. Болела разбитая рука, болел ободранный бок, страшно представить, что было бы со мной, если бы не мое закаленное тело. Ноги дрожали и с трудом несли меня по неровным и острым изломам черного города Древних. Так что я с облегчением вздохнул, когда закончились эти проклятые руины и начался обычный белый песок с одинокими светлыми скалами и пучками высохшей травы. Несколько взбодрившись при виде приближающейся деревни, я попытался представить, чем могли быть сотни лет назад эти скалы. А затем меня снесло с ног, и земля врезалась мне в голову.

– Я думал, это огромный, разожравшийся в пустоши дарс, – раздался надо мной ненавистный голос, пока я со стонами выбирался из-под своего мешка. – Думаю, сейчас я его завалю и погоню пинками в деревню. Похвалюсь опытным охотникам необычным трофеем. Но я, кажется, ошибся, или нет?

– С первого взгляда мне тоже показалось, что это дарс, босс, – противно захихикал крысеныш, вот уж чей взвизгивающий голос я тоже могу узнать даже в полной темноте. – Но вот сейчас, когда он слетел с копыт, знаете, что я заметил, босс?

– Расскажи нам, Скирто, – лениво, немного растягивая каждое слово, продолжил разыгрывать сцену Виргл. Она, связанная с дарсом, у них всегда одна. Кажется, сегодня мне предстоит испытание, которого я когда-то так боялся. Хватит ли у меня воли не сорваться? Пожалуй, полгода, как я не попадал в такую историю. Вот только с тех пор, как я – абсолютно беспомощный – терпел издевательство над собой, многое изменилось. Например, моё Возвышение.

– Мне кажется, у него нет копыт, босс, – заржал как сумасшедший над своей тупой шуткой верный жополиз Скирто.

– Неужели?

Я наконец перевернулся и смог оценить презрительную усмешку на лице юного вождя. Он возвышался надо мной как младший брат той скалы, что была у него за спиной. Высокий, широко расставивший ноги в широких кожаных штанах из мечерога, с длинными мускулистыми руками, выставленными напоказ в дорогой тонкотканой безрукавке со спиральным узором по вороту.

– А в остальном?

– Да и в остальном, босс. Он слишком чистый и не воняет.

Я сел и оглянулся по сторонам, пытаясь понять, есть ли шанс выскочить из их круга. Похоже, для слабака, которого мне теперь нужно изображать, это невыполнимо. Пусть их и всего четверо.

– Странный дарс, – покачал головой Виргл, щуря черные глаза, будто смотря на солнце. – А ты что молчишь, Порто?

– Ты ошибся, босс. Это Леград.

Признаться, такого я не ожидал.

– Я ошибся? – Виргл неспешно обернулся к здоровяку и заложил большие пальцы рук за широкий ремень из кожи пересмешника.

– Да, босс, – спокойно кивнул Порто, за что я был благодарен, хотя и не понимал причины его непокорства.

– Но ведь не дело мне ошибаться, иначе какой я босс? – вкрадчиво произнес Виргл. – Не слышу?

– Нет, босс! Вы всегда босс! – загомонили все одновременно.

– Нет, нет! Не уговаривайте меня! Я ошибся! Как же быть? – Виргл обвел взглядом окружающих подручных, мне оставалось только продолжать следить за представлением, неожиданные слова Порто не сбили его с колеи.

– Босс! Босс! – запрыгал, повизгивая Скирто, меня начало просто потряхивать, видя его ужимки. – Я знаю, босс!

– Скажи нам, Скирто, – счастливо улыбнулся Виргл. Ему, похоже, доставляет удовольствие это подлизывание и именование, презрительно подумал я, глядя на отвратительно выглядящие первые усики на его лице.

– Я думаю, нужно исправить этого неправильного дарса, – поднял палец вверх крысеныш, оглашая свою гениальную выдумку.

– Уроды! – злобно выплюнул я, не в силах продолжать безропотно сидеть и пытаясь хоть так выплеснуть свою ненависть.

– Босс, он еще и говорит! – восторженно завопил Скирто.

– Это тоже неправильно, – Виргл покачал головой, изображая печаль, и снова перевел взгляд на Порто. – Исправь это, Порто.

– Не могу босс, – развел руками здоровяк. – У нас разрыв три звезды. Я могу и убить его случайно.

– Хорошо, – процедил зло сощуривший глаза сын вождя, – убивать его и впрямь рановато. Но ты меня разочаровываешь, Порто, похоже, тебе нужны будут дополнительные тренировки. Со мной… Скирто!

– Да, босс! – взвизгнул крысеныш и, подскочив ко мне, принялся бить ногами. А я, обхватив голову руками, мог только радоваться тому, что обувь у всех в деревне из тонкой кожи ящериц. Будь на них боевые сапоги, какие мама описывала у стражи в Арройо, боюсь, я бы серьезно пострадал. А так ничего, терпимо. Больно только когда удар приходится по отбитой руке. Хорошая все-таки идея была с закаливанием тела!

– Скирто, дарсы не разговаривают, – напомнил скотина Виргл, чьи ноги я видел буквально в шаге от себя.

– Ага, щас! – с одышкой ответил крысеныш, пытаясь пробить защиту моих рук. Слабак, с презрением подумал я, каким чудом он получил четыре звезды, если уже задыхается. – На! На!

– Отброс, ты, конечно, можешь продолжать извиваться на песке, но я начал уставать. Убери руки и прими свою судьбу деревенского мусора. Прими удар самого слабого из нас. Иначе… Порто может и снова откажется, сегодня он, видимо, перегрелся на солнце, но Шиго с радостью ударит тебя вместо Скирто. И тогда ты действительно можешь умереть. Хочешь проверить, насколько ты удачлив?

А у меня сегодня выходит двойное испытание. Впрочем, кто тут мусор, как не те, кто толпой унижают слабого? По-прежнему слабого перед лицом силы Виргла. Но разрыв уже гораздо меньше. Я за пять месяцев прошел тот путь, на который у них ушли годы. Еще пара шагов, и я обгоню их. Я уже начал подниматься на ту гору, что уведет меня из этой деревни, оставив здесь настоящий мусор. Всех их. И я опустил руки, принимая свое испытание и глядя в такие же серые, как у меня, глаза Скирто.

– Мусор, вонючий отброс, жирный дарс, – распалял себя все больше и больше крысеныш, обрушивая удары на мою голову и лицо и превращая пустошь вокруг в круговерть цветных пятен, света и темноты. Я уже не понимал, где кто находится, все вокруг словно расплылось.

– Довольно, а то ты сломаешь нашу игрушку, – наконец раздался веселый голос Виргла. – Осталось вернуть этого дарса в грязь, из которой он выполз. Порто, вперед. Или снова найдешь причину?

– Нет, босс, – без промедления раздался ломающийся бас здоровяка, а на меня хлынули вонючие помои. Их отвратительный запах так ударил в мою кружащуюся голову, что меня вырвало.

– Вот это другое дело! – довольно заявил Виргл. – Мусор, ты меня слышишь? Последние пару месяцев ты бегаешь по деревне, задрав нос. Мне не нравится, что такой отброс, как ты, пропахший дерьмом джейров, не выполняющий норму,

презираемый охотниками, ходит по нашей деревне так, как будто она ему принадлежит. Я все-таки нашел время исправить это. Слушай сюда. Если я снова увижу, что ты в деревне поднимаешь глаза от земли, то ты будешь ее жрать. Мне нравится твой теперешний вид. Если я снова увижу тебя чистым в деревне, то опять окуну в помои. Дорогая выделанная кожа слишком хороша для тебя. Верни старую рубаху из джута. И не вздумай штопать одежду, мусор должен быть одет в рванье. Запомни это. Ты понял меня, отброс?

– Понял, – еле выдавил я с кровью сквозь разбитые губы.

И остался на песке один.

Глава 6

– Что с твоим лицом? – мама одним быстрым, слитным движением не только сбросила с себя переноску, но и, непонятно как, расстегнула ремень.

– Разногласия с Вирглом по вопросу моего внешнего вида, – неожиданно лишившись ежевечернего ритуала помощи маме, я не знал, куда деть руки, как-то даже разговор начался не так, как я себе представлял. – Твой сын слишком хорош для этой дыры.

– И это правда! – мама осторожно коснулась моего лица прохладными пальцами. – Завтра я отправлюсь к Черной горе. Найду тебе свежую траву Восстановления тела.

– Не нужно, мама, – замахал я руками. – Оно и так слишком быстро заживает, мне придется прятаться пару дней от глаз его шайки.

– Быстро заживает? – удивилась мама и, зайдя со мной в дом, принялась внимательно разглядывать моё лицо при свете лампы. – То есть вот это… Это уже зажило? – ее голос задрожал.

– Хорошо, все хорошо, – я, крепко обняв маму, принялся ее утешать, рядом примостилась снова шмыгающая носом Лейла, которая тоже была напугана,

когда я вернулся домой. – Я немного поиграл на нервах у крутого босса, вот и одно к одному. Я теперь буду вести себя так, как он хочет. И этого не повторится. Твой сын будет терпеливее, мама.

– И что он от тебя требует?

– Ничего нового, – усмехнулся я. – Быть деревенским мусором. Не поднимать глаз, быть грязным и оборванным. Радовать его своим видом каждый день.

– Прости, сын, прости! – Мама сжала меня так, что я охнул, и она, опомнившись, ослабила объятья. – Моя вина перед тобой все копится и копится. Я даже не беспокоюсь, как вы живете без меня, бросив дом и дочь на твои плечи!

– Мама, прекрати. – Мне больно видеть ее такой, в этом нет ее вины.

– Сын, прости свою мать. Но этот торгаш, – мама прошипела, – отлично видит мою нужду и дает мне даже не четверть цены. Еще два года! – Она схватила меня за плечи и отстранила от себя, вглядываясь глазами, полными боли. – Два долгих года я прошу тебя вытерпеть все испытания, что обрушит на тебя небо. Только тогда я смогу спасти вас и вернуть в Арройо!

– Мама, хватит!

– Мама, ты так говоришь, как будто на нас напали разбойники, – буркнула Лейла, недовольная, что лишилась объятий.

– Ах, родная, ты почти угадала, – покачала головой мама и принялась ее тискать. – Ничего, мама соберет молодые травы и посадит свой личный маленький огородик на южном крае Черной горы, там, где всегда солнышко. Через год я соберу отличный урожай, не меньше, чем у Кардо. Может, хоть его хватит, чтобы заткнуть жадную глотку торгаша.

– Мама, – в волнении я почти кричал, схватив ее за руки, – но ведь скопление трав может привлечь Зверя! Одно дело просто обыскивать эти проклятые развалины, хотя и это опасно. А другое дело самой сделать все, чтобы позвать тварей на обед!

– Все будет хорошо, мама опытная бродяга пустошей! Ты хоть раз слышал, чтобы охранники у Кардо бились со Зверем? – попыталась меня успокоить мама своей навязшей уже у меня на зубах присказкой и обычной улыбкой.

– Хватит. – Я был настроен решительно и решил применить подлый прием. – Ты рассказывала про свою юность, и там никогда не было и слова про охотников. Тебе хочется сгинуть в Черной горе и оставить нас одних с Кардо?

– Это подло, сын! – охнула мама, а в ее глаза засверкали искорки, превращая серое в сталь.

– Как иначе победить твоё упрямство с травами, наследством и деньгами? – я упрямо глядел ей в глаза, не поддаваясь на жалость и не страшась ее гнева.

– Ты не понимаешь, как тяжело нам придется на новом месте! – снова начала мама тот же рассказ, что я уже слышал.

– Я понимаю, как тяжело нам придется без тебя!

Лейла только переводила глаза с мамы на меня и обратно, не смея вмешиваться в нашу почти ссору и не смея плакать.

– Прекрати ходить на гору!

– Нет! – мама разрубила воздух перед собой рукой. – Я могу пообещать быть осторожнее, но пойми, без денег для нас ничего не изменится!

– Никакого огорода в этой проклятой башне! – ставлю я условие.

– Хорошо, договорились, сын мой, – с облегчением вздохнула мама и поскорее сменила тему, тоже ее любимый прием в спорах: – Вы вообще собираетесь кормить вашу маму?

– Встаем! Поднимаемся! Все на площадь. Быстрее, быстрее! – разбудил нас оглушительный крик над ухом.

– Пшел вон из дома! – закричала мама и, похоже, швырнула что-то, а вернее кого-то, в сторону двери, потому что раздался грохот, и циновка с входа слетела, сорванная темной фигурой. Лейла в испуге начала плакать, и я кинулся к ней.

– Дарсова баба! – заорали с улицы. – Приказ вождя! Все на площадь! Быстрее! Или я опять войду и выволоку тебя!

– Это ты, Паурит? Твою гнилую отрыжку трудно не узнать. Воспользовался шансом пощупать? – насмешливо крикнула мама в темноту, заставив меня заскрипеть зубами.

– Не умничай! – с обидой ответил тот же голос. – Я сказал, щас выволоку! И сделаю!

– Иди Миргло для начала выволоки, слабак! – продолжила насмехаться мама, пока я торопливо одевал впотьмах Лейлу.

– Не, мне она не по вкусу, – начал бахвалиться Паурит. – Я бабу люблю повернуть, а там скорее обходить нужно. Выходи и караван свой тащи. Или я вытащу.

– Если войдешь в дом, я тебе ноги сломаю, – пообещала мама.

– Вождю тоже? – насмешливо спросил новый голос с улицы. Ракот?

– Ждите, сейчас оденусь, и выйдем, – помолчав, ответила мама и прошипела под нос: – Уже в открытую называют вождем, вонючий дарс!

– Да можешь и так выходить, а то я плохо в темноте рассмотрел! – радостно посоветовал Паурит.

Я запомню твоё имя, поклялся я себе.

Похоже, здесь собирают всю деревню. Нас подняли одними из первых, и стоя на площадке, той самой, с пробежки через которую начался мой путь Возвышения, в центре деревни, в лучах встающего алого солнца, мы слышали крики со всех

сторон, а между домов мелькали фигуры, идущие к нам. Что же происходит?

– Дарсов выкормыш! Ди, я ведь столько раз говорила тебе быть осторожнее! – вдруг сердито прошептала мама.

Я оглянулся и действительно увидел выходящего на площадь дядю Ди. Даже в сероватом свете последних минут ночи было заметно, что он бледен, как побелка, а его загар выглядит как небрежно намазанная сверху на лицо грязь. В чем он был неосторожен? Неужели мама понимает, что происходит?

– Ди, что у тебя? – негромко спросила мама, не глядя в его сторону.

– Мясо засолил, шесть тушек квыргала, – растерянно ответил дядя Ди, весь поникший, с опущенными плечами. – Удачно разрыл большой выводок.

– Удачно? – почти по слогам уточнила мама и припечатала: – Жадный дурак!

– Что делать, Эри? Что мне делать? – На дядю Ди было больно смотреть, он, кажется, даже трясся мелкой дрожью.

– Молиться какому-нибудь богу, что ты был не один такой идиот в деревне, – припечатала шепотом мама. – Тогда наказание будет меньше.

– Что же делать, что делать? – дядя Ди все больше был похож на какую-нибудь молодуху, сжегшую ужин и теперь причитающую над угольками в ожидании мужа с тумаками.

– Ди, хватит трястись! Ты мужчина или нет? – возмутилась мама, наконец подняв взгляд на него. – Ралио, дай ему пощечину, чтобы был не такой бледный, я боюсь не сдержать руку и сломать твоему мужу что-нибудь.

– Эри! – возмутился дядя Ди, а его жена только покачала головой и вздохнула.

– Что Эри? – мама тоже покачала головой, но, в отличие от Ралио, со злостью, а не с сожалением. – Я тебе говорила не оставлять следов?

– Да, Эри, – растерянно подтвердил дядя, Рат только кусал губы, глядя на отца, который сам на себя был непохож.

– Теперь говорю – отходите от нас и меньше показывайте, что продолжаете общаться с нами. Пожалуй, даже неплохо, что у тебя столько мяса оказалось, – задумчиво проговорила мама.

– Это еще почему? – совсем растерялся дядя Ди.

– Больше шансов, что поверят, будто ты перестал помогать нам, – мама без улыбки, внимательно оглядела его.

– Эри, прости! – дядя Ди резко сменил цвет лица с белого на красный. – Я помню, кому обязан жизнью!

– Потом поговорим, отходите. – И мама отвернулась от их семьи, обрывая разговор.

На площадь перестали выходить новые лица, видимо, согнали всех. Только теперь появился Кардо. Огромный, больше похожий на буйвола, истории про которых мне рассказывал отец. Охотники редко охотятся на них, предпочитая добычу мельче. И на это есть причина. Буйвола почти нельзя взять в стрелы, нужно подходить с копьем. Но не за эту сложность его не любят трогать. А за ум и мстительность. Если ты не убьешь буйвола, а лишь ранишь, то будь уверен, он будет следить за тобой и нападет сам. Есть байка, что однажды он пришел за охотником в его дом и убил его там ночью. На буйвола охотятся, только если уверены, что убьют здесь и сейчас, не дав ему бежать. Если лев или пересмешник не смогли убить буйвола, то меняют место охоты, предпочитая на несколько недель уйти с его глаз. Боюсь, Кардо похож на него не только снаружи. По виду он вообще не похож на главу деревни. Как всегда, он одет в простые тонкие кожи и зарос черной давно не стриженной бородой, как какой-нибудь охотник-бобыль. Борода его резко отличалась от более светлых тёмно-коричневых длинных волос, свободно спускавшихся с его головы. Он оглядел разбившихся на кучки жителей и вскинул руку, привлекая внимание. Но рта раскрыть не успел.

– Какого дарса! Ты кто такой, сектантская отрыжка?! Пшел вон отсюда! – раздался дикий крик, и из дома Орикола буквально вылетело чье-то тело.

Правда, без крыльев его полет закончился метрах в десяти от двери, лишившейся циновки. Выскочивший следом хозяин дома огляделся и снова заорал: – Кардо, блевотина старая, это как понимать!

– Спокойно, Орикол, произошло недоразумение, – наш глава скривился так, будто жевал протухший билтонг. – Никто не должен был тебя трогать. Мой человек проявил излишнюю прыть.

– И, по-твоему, я должен радостно попрыгать, услышав это, развернуться и уйти? – спокойно спросил бывший Воин, резко меняя тон.

– Что ты хочешь? – оглянувшись на жителей, уточнил Кардо.

– Наказания. Они у тебя совсем обнаглели от безнаказанности, – Орикол покачал пальцем, будто ругая малыша. – Я чую, недалек тот день, когда они начнут сильничать баб.

– Орикол, – натужно рассмеялся Кардо, – что за ерунду ты несешь? Мы все жители одной деревни.

– Да, да, – спокойно покивал бывший Воин и продолжил, не сдерживая голос: – В какой-то, затем сгоревшей деревне я уже слышал подобные речи. Говорят, дом главы полыхнул первым.

– Хватит, – раздраженно рыкнул Кардо. – Я извиняюсь перед тобой! – И, шагнув к уже поднявшемуся на четвереньки телу, схватил его за грудки и от всего сердца приложился несколько раз кулаком к его лицу, тот сразу обмяк. – Достаточно?

– Хм, – задумался Орикол, оглядывая небо с разгорающейся алой зарей. – Такая рань, а мне уже не уснуть. Еще раз.

– Скройся с моих глаз, недоносок, – Кардо с силой впечатал ногу в задницу провинившегося Ма, снова отправляя его в полет. Жаль, это не Паурит, подумал я. Но он не настолько тупой, чтобы считать Орикола равным остальным жителям деревни и пытаться его силой вытащить из дома.

– Итак, что привело вас всех на площадь? – спросил Орикол, растирая помятое от сна лицо с длинной щетиной.

– Жители деревни! – отвернувшись от учителя и игнорируя его вопрос, Кардо обвел нас рукою. – Волею неба и богов наши предки оказались здесь, в центре нашей страны. Да, это скудное и суровое место. Но нам, хвала небесам, удается достойно жить и растить наших детей, даже в этих песках, смешанных с прахом Древних. В чем же сила нашей деревни? В нашем единстве! В том, что мы трудимся и работаем сообща, плечом к плечу встречая все невзгоды! Так было раньше… С каждым днем мне, главе нашей деревни, приходилось с болью смотреть, как вы все меньше думаете о своих товарищах и все больше только о себе. Мы становимся все слабее, наши склады пустеют, а караваны брезгуют заходить к нам. Я не могу больше этого терпеть, иначе, видит небо, наша деревня просто исчезнет в песках, как тысячи до нее. Сегодня я проверю, все ли жители деревни исполняют мои наказы и не прикарманивают ли они наши общие скудные ресурсы, отбирая их у наших детей. Воины, вперед!

– Какие воины, самодовольная отрыжка, – тихо прошипела мама. – Стража позволена только пятизвездочным селениям!

– Разойдись! Ты сюда! – Приближенные Кардо принялись разгонять нас по краям площадки, выстраивая как на сдаче экзамена, когда нужно, чтобы было видно всем и было видно всех. – Вы трое на эту сторону!

А затем мы молча наблюдали, как Ракот, Паурит и старик Газил обходили дома и тщательно обыскивали каждый, выкладывая перед хозяевами то, что они посчитали лишним или спрятанным. С каждой минутой людей, которые выглядели даже хуже, чем дядя Ди, становилось все больше. А я наглядно видел то, о чем давно говорила мама. Все жители деревни утаивали. Утаивали многое. Ах, совсем не потому, что мы бедны, перестали приходить к нам караваны. Если бы бродячие торговцы знали о личных запасах в нашей деревне, то давно слетелись бы как грифы на падаль. Перед всеми появлялось разнообразное мясо, а я переживал, что деревня голодает, и кучи шкур, зубов, рогов и копыт, но кое-кто красовался целой горой самых разнообразных вещей, которые можно было купить только у торговцев. Я с радостью увидел трясущегося Скирто, перед ним с матерью отец Порто, Ракот, выкладывал травы. Огромный мешок трав. Верный подхалим Виргла обеспечил своей матери отличное местечко старшей у сборщиков травы на Черной горе. Видимо, она решила, что ей этого мало, а Ракот не собирается ее прикрывать. А вот перед матерью Шиго пусто,

хотя она почти в такой же ситуации, только ее место оплачено Кардо не сыном, а смертью мужа годы назад. Вообще, дядя Ди зря так боялся. С моего места видно, что мяса перед ним, пожалуй, меньше чем у всех, а шкур и прочего и вовсе нет. Это у второго-то, как бы его ни принижал Кардо, охотника деревни! Все же советы мамы ему изрядно помогли в этой беде. Но едва я растянул губы в усмешке, как моё сердце пропустило удар. Перед нами упала шкура, а на нее лег какой-то невзрачный полузасохший кустик. Перед нами стоял Паурит. Сейчас я отчетливо видел гадкую усмешку на его губах, жирно блестящую бородку с застрявшими в ней крошками, давно немытые жидкие волосенки, которые торчали во все стороны. А главное, блестящие маленькие черные глазки, которые просто горели какой-то непонятной мне эмоцией.

– Тварь, – тихо выдохнула мама одними губами.

– Тихо, тихо, – Паурит делал невозможное, его улыбка стала еще гаже, меня от нее буквально выворачивало, он тоже почти шептал: – В следующий раз будешь понежнее, а то мужик к ней с лаской, а она его кулаком, стерва. Ты, баба, будь помягче, и жизнь твоя будет проще. А то отвыкла, отвыкла уже от мужика.

Паурит, час назад я клялся, что не забуду твоё имя. Оно мне не нужно. Видит небо, нам двоим тесно под ним. Ты умрешь, иначе ненависть разорвет мне сердце. Мне нет дела до твоих звезд, как и до того, что ты взрослый, опытный охотник. Ты привык бояться Зверей, которые ищут силы. А нужно будет бояться меня. Я ведь тоже ее ищу. Я вытащил из мешочка камень и, сжав его в кулаке до боли, заставил себя опустить глаза в песок, чтобы он не увидел в них мою ненависть и свою смерть. Клянусь, ты умрешь и бесследно пропадешь в песках, а твоё имя исчезнет под этим небом. Дальнейшее проходило мимо меня. Я плохо слышал, что там вещает наш самопровозглашенный вождь. Что-то об ответственности и наказании. Но потом он от слов перешел к делу. Определялся виновный в семье, и Кардо назначал ему плети. Это я пропустить не смог. Маме он назначил пять плетей. Столько же, сколько и Кари за мешок травы. Люди на площади кричали, умоляли. Но мама лишь гордо молчала и не пыталась сказать даже слова о том, что траву ей подкинули. Молчал и я, лишь что-то кричала Лейла, но ее схватила и прижала к себе Ралио, заслужив мою благодарность. Сам я не способен был сейчас позаботиться о сестре.

Я сжимал кулаки и глядел, как тощий Котил снимает с пояса плеть. Он единственный в деревне имел ее, как погонщик нашего маленького стада домашних джейров, и единственный умел ею работать. И нет. Ему я мстить не

буду. Мне хорошо видны его трясущиеся руки и пот, заливающий выбритое с вечера лицо. Для него работа палачом и есть наказание, даже более сильное, чем его жертвам. Мне не за что его винить. За отсутствие силы восстать против произвола главы? Силы нет ни у кого в деревне. В том числе и у меня. Ненавидеть всех? Я и так ненавижу всех этих мужчин, которые опускают глаза или бледнеют, как дядя Ди. Всех, неспособных даже словом возмутиться тому, что происходит на площади. Я ненавижу и себя, за то, что не могу защитить любимого человека.

– Леград, – окликнули меня сзади, но стоило мне повернуться и увидеть Шиго, как тот ударом в лицо сбил меня с ног, а затем наступил на голову, вдавливая ее в песок, – босс велел напомнить, чтобы ты не поднимал глаз от земли. Запомни желание босса, отброс!

Унижения нашей семьи в это утро не знали конца. Наказание своей матери мне пришлось смотреть лежа на песке, окрашенном кровью из моей руки. Шиго не поднял ногу с моей головы, пока не просвистел последний удар.

Глава 7

Солнце жарит просто немилосердно, середина сухого сезона, а в этих руинах негде спрятаться от него, пока оно стоит так высоко. Разве что лечь навзничь в совсем короткую тень у стены. Обычно жители деревни не носят на голове ничего, только некоторые охотники, уходя далеко в пустоши, иногда обматывают лицо платком от пыли. Но те же караванщики покрывают схожим, только более длинным, не только лицо, но и голову. Да и я в других селениях видел, что носят даже особые шляпы из рафии. Пожалуй, мне бы тоже нужно о чем-то подобном подумать. Возможно, дело привычки, но я просто чувствую, как мои мозги варятся на солнце и скоро закипят и выплеснутся через уши. Может быть, Тукто и легче переносит этот палящий зной, но с моим более темным волосом это настоящее испытание. А ведь у дяди Ди он вообще черный!

– Эй, Тукто! – окликнул я наконец появившегося внизу пацана. Тот было закрутил светлой, почти белой, как у всех в его семье, головой, но все же сумел заметить меня.

– Вот это ты забрался, – он в восхищении покачал головой, прищелкнув языком.

– К делу, – кратко ответил я, в последний раз оглядываясь над выступом стены на виднеющуюся вдали деревню. Никого нет в этих раскаленных руинах. И это отлично.

– Как скажешь, Леград, вот корни, – он бросил под ноги сначала большой, затем маленький мешочек, – вот красная сыромять. Твоя очередь.

– Хорошо. – Я показал пальцем, чтобы он не ошибся. – Обернись влево. Видишь второй этаж, треугольное окно?

– Вижу, – кивнул Тукто, бросив короткий взгляд на нужное окно и снова повернувшись ко мне.

– Тебе туда, – снова ткнул я пальцем. – Лезь.

– Я надеюсь, ты не задумал такую глупость, как обман? – недоверчиво нахмурился Тукто, пытаясь сделать во мне дырку взглядом голубых глаз. Они сейчас особенно выделяются на темном загорелом лице, покрытом пылью. Сам я наверняка выгляжу не лучше, разве что глаза серые, как у мамы.

– Нет, лезь давай, – буркнул я, начиная спускаться. Слишком он разговорчивый стал, с утра таких вопросов не было.

Последний месяц после экзекуции я начал понимать, что такое по-настоящему голодать. Забудьте моё старое нытье о житье впроголодь. Только теперь я понял, что такое хотеть жрать. Постоянно, с самого утра и до ночи, когда ворочаешься на шкурах, пытаясь уснуть под сосущее чувство в животе. Забудьте о подкормке от дяди Ди, только паек от деревни за общинные работы. Но даже полив две нормы на огородах, я едва получал половину старой порции мясного корня или, что вообще выглядело насмешкой, тыквы. Тыквы! Это вообще почти трава, годная лишь на то, чтобы, набив живот, заглушить голод. Ее бывает неплохо добавить в мясную похлебку. Но получить от пустой тыквенной болтушки силы на целый рабочий день или вырасти? Где хотя бы сладкое зерно или семена драконьей травы? То же самое касалось и мамы. Лейла так и вообще, если это была смена Скирто или Шиго, оставалась без еды. Они легко находили, за что лишить пайки мелкую девчонку, которую уже шатало ветром.

Вчера я подсмотрел, как мама сдавала с утра лепешки и ругалась с Кари и Ракотом. Снова тыква. Мне показалось, что еще слово, и она кинется на Ракота и примется бить его. Судя по тому, как подался назад Ракот, так показалось не только мне. Нужно было как-то выкручиваться. От отчаяния я был готов взяться за ловлю мелких ящериц и кузнечиков, которых было полно вокруг деревни. Останавливало меня только воспоминание о рассказах отца. Это бесполезно, потому что на ловлю такой скудной добычи уходит сил больше, чем получишь, съев их. Кроме как взяться за добычу настоящего мяса в голову ничего не приходило.

Я стал опасаться, что Виргл надумает снять меня с камня, но, похоже, само небо приглядывало за мной. Наоборот, меня вообще перестали ставить на другие работы. Исчезла помощь кожевнику, складу, пастуху, просушка трав и дерьма джейров, вылавливание скудных рыбешек, которые были настолько глупы, что рискнули появиться в нашей реке, я не мел площадь и не толок мел, не полировал рога, не мазал глиной стены и не поправлял крыши. Я не получал ни одной из десятков работ по деревне. Меня не брали в поход за камышом, рогозом или драконьей травой. Только ведра и камень.

Возможно, Виргл хотел вымотать меня одиночеством и тяжелой работой. Но я уже был в состоянии полить весь огород сам и не устать. Если, конечно, накануне ел хоть что-то. И у меня была моя семья. Мой нежный светлый цветочек – Лейла. Так что объявление «На камень!» я воспринимал как подарок. Я буквально допрашивал Рата, который знал многое о своей мечте, когда попадал вместе с ним на работы. Я вспоминал все истории, что слышал от отца и дяди Ди. Я донимал обессиленную маму своими вопросами. И все это в поисках крупиц знаний о пустоши и об охоте. Увидеть самого дядю Ди было почти невозможно. Ни один охотник, получивший плетей, больше не оставался один. Они группой, в которой был доверенный Кардо, с утра уходили в пустыню. Группой они возвращались ближе к темноте. В ближайшие месяцы никто не пронесет в деревню неучтенный кусок мяса. Так что получить наставника мне не суждено.

Следующим этапом моего плана стало создание оружия. Тут очень пригодился тот шип, который я нашел у моста. Да, он был каменный и им нельзя было резать, ведь у него не было острых боковых граней. Но зато он был прочнее, чем любой железный охотничий нож в деревне, и его кончик сужался до невероятной игольчатой остроты. Эта длинная каменная игла была создана, чтобы превратиться в моё первое боевое оружие. Так я пришел к сделке с Тукто.

Если Ракота я ненавидел лишь чуть меньше, чем Кардо, Паурита, Виргла, Скирто и Шиго, то к Порто я был равнодушен. Да, я помнил помои, но помнил и его отказ называть меня дарсом и на равных участвовать в той забаве. А с его братом вообще было легко иметь дело. Он чувствовал за спиной поддержку старшего и был нагловат в разговорах со старшими. Но никогда не использовал его имя, не обижал мелких и не задирал нос. Поэтому у меня была надежда, что, будучи связан со мной общим делом, он не станет выдавать меня из-за пустяка. Сегодня была первая, достаточно безобидная для меня проверка.

Я хотел чуть подкормить сестру с мамой и достать ремни для рукояти своего будущего оружия. Я не верил, что верный друг детства Кардо живет, как остальные в деревне, впроголодь. И знал, что Тукто достаточно умеет шевелить языком, чтобы заболтать дурака Ма, и достаточно умен, чтобы не лезть к жадному Газилу, о чем я ему прямо и сказал. Осталось придумать, чем я куплю его помощь. Вряд ли здесь подойдет камень, как для Рата. К счастью, на верхних необследованных этажах руин я находил не только их. На вершине Черной горы вьют гнезда огромные птицы-хищники. Добыть такую считается в нашей деревне большой удачей. У нее есть даже имя, пусть совсем простое – Раух, а не обычное для пустыни – Дробитель костей, Красный иглистый волк и прочее, как обычно именуют зверей, добравшихся до силы. Имя она заслужила за то, что кости ее по прочности превосходят любой простой металл, хотя она даже не Зверь, обретший силу, и тем более не Монстр, и полностью уходит в дело, превращаясь в инструмент и оружие. Говорят, они так прочны потому, что могут питаться камнями руин Древних. И в доказательство этого рассказывают, что в желудках добытых птиц были целые пригоршни мелких камней. Их добывают из засады на приманку. Никто и никогда не находил просто мертвого Рауха. Я стал первым.

Не знаю, что с ним случилось. Пришла старость, враг или нежданная болезнь. Важно то, что умер этот Раух не там, где лежат все кости мертвых его племени. А на самой верхотуре одинокой руины, что торчит как палец, направленный в небо, на три часа ходу от деревни вниз по течению. Он лежал там на солнце долгие годы, оставив после себя только костяк, обтянутый кое-где остатками кожи. И он ждал меня. Иногда, когда я начинаю задумываться о своей жизни, я начинаю видеть вокруг себя испытания и награды небес. Возможно, мне нужно меньше читать трактаты мудрецов, которые рады были раньше всучить маме торговцы за полновесное серебро. Возможно. Но эти кости никто не мог найти кроме меня, достаточно сильного, чтобы забраться по отвесной стене на такую высоту, достаточно ловкого, чтобы пройтись по узкому гребню, и при этом еще совсем неширокого в плечах, чтобы протиснуться в лаз на последнюю площадку.

Поневоле начнешь задумываться о странном.

Именно эти кости сейчас, восторженно вопя, пытается сломать Тукто, пока я торопливо пережевываю корень и проверяю содержимое малого мешочка. То, что нужно. Куски обработанной сыромятной кожи красной антилопы всевозможных размеров. Сложно точно понять, для чего она мне. Мне достаточно соврать о замене шнуровки на мокасинах, починке креплений циновок и прочего. Мало ли для чего в хозяйстве пригодится кожа.

– Эгей. – Передо мной свалился костяк птицы, ну как-то так и я ее спускал, экономя силы. – Отличная сделка! Он гораздо больше, чем я ожидал. Не жалеешь, что продешевил? Столько костей за сущую мелочь?

– Ничуть, главное чтобы Виргл не узнал, больше я ни о чем жалеть не буду, – снова прямо сказал я то же самое, что и утром. Лучше на первой сделке узнать, что он не держит язык за зубами. Возможно, в будущем мне понадобятся более серьезные вещи. – Он будет рад поводу снова повалять меня в песке.

– Да, – посмурнел Тукто, резко перестав веселиться. – Боюсь, если бы не брат, мне бы тоже пришлось худо.

– И отец, – напомнил я ему, с интересом глядя на него. К чему он ведет?

– Да, и отец. – Пацан помялся и продолжил: – Мне жаль, что так вышло с матерью.

– Ты о чем? – отмахнулся я от его сочувствия. – Многие были наказаны в тот день.

– Я видел, что Паурит ничего не вынес из вашего дома.

– Что?! И ты…. – И тут я замолчал, внезапно поняв в деталях то, что произошло, и то, что он видел. Это было как вспышка, мгновенное озарение.

Наш дом крайний, правильнее было бы начать осмотр с него, но Паурит медлил, они уже обошли половину домов деревни, когда он принялся за него. Чего он ждал? Он ждал удобного случая, когда в каком-нибудь доме найдут то, что

можно легко подкинуть другому человеку. Изначально он, возможно, и не планировал делать ничего такого. Но мама изрядно задела его гордость, дав ему по рукам. А что происходило перед моими глазами? Ракот принес травы Кари. Огромную кучу трав, из которых незаметно нужно взять всего одну. И Тукто видел не только пустые руки Паурита, но и то, у кого он взял эту проклятую траву. Могу ли я требовать, чтобы этот пацан обвинял своего отца перед всей деревней? Чудо, что он вообще сожалеет хоть о чем-то и заговорил об этом. Все же они с братом не в отца, несмотря на вылитую в него внешность. Я глядел в голубые, как у Ракота, глаза. Избить его за унижения матери? Он-то здесь при чем? Упасть в своих глазах и стать похожим на Виргла? Никогда!

– Я понял, Тукто, я понял. Ты хороший парень. Мне тоже жаль, – ритуально закончил я, перебивая его, когда он открыл рот, чтобы что-то сказать. Будто один из нас странствующий торговец, подводящий итог торгу. Я не хотел сейчас говорить, мне нужно побыть одному. – Хорошая мена!

– Хорошая мена, – ответил пацан, не отводя от меня грустных, выцветших в едва уловимую синь глаз.

Я уходил не оглядываясь. Мне почему-то казалось, что он так и стоит на месте, глядя мне в спину. Наверное, тяжело видеть, как на твоих глазах отец совершает подлость. Мне кажется, Тукто никогда не будет считаться приближенным нового вождя. И конечно, не расскажет о нашей сделке. Мне нечего сейчас сказать Тукто. Я не хочу кричать о несбыточной справедливости и ронять пустые слова. Никто за нас не заступится. Я выбрал для себя путь стать сильнее и вырваться из этой пустоши. А перед этим самому отомстить за свои обиды. Через год Тукто начнет свой путь Возвышения. Я могу только дать ему пару советов в будущем, чтобы увеличить его шансы и отплатить за правду и неподдельное сочувствие в голубых глазах, в которых нет холодного презрения его отца. Ведь мой талант оказался совсем неплох, как и выбранный путь Возвышения. Путь, на котором, оказывается, есть не только три преграды.

С тех пор как я увидел беспричинное унижение мамы, мне стало труднее заниматься развитием меридианов. Наверное, во мне слишком много ненависти. Странно. Я всегда считал, что очень отходчив на обиды. Даже получая тумаки от Виргла, я кипел гневом день, два, а затем мне уже было сложно вызвать в себе такие же яркие чувства, как в момент унижения. Я затухал, словно фитиль без масла. Но теперь все иначе. Даже в тысячный раз поднимаясь с ведрами и привычно представляя, как в меня втягиваются синие нити, как ярко пульсируют

мои меридианы в такт ударам сердца, я вдруг ловил себя на том, что не помню, как из головы исчезли эти образы. А вместо них раздается свист плети, и снова болит щека от песка. Так было раньше. Но сегодня я понял, что моя ненависть… нет, не утихает, а преобразуется во что-то другое, даже более сильное, четкое, яркое. Мои воспоминания, пропитанные ненавистью ко всему поселку и отдельным именам, словно сжимались в один острый клинок, направленный сейчас лишь на одно лицо. Я бы назвал это предвкушением крови. И оно совсем не мешало моему Возвышению, а словно подталкивало его.

«Паурит, ты бы видел, какой отличный кинжал я собираюсь сделать», – разговаривал я сам с собой от переполняющей меня радости и ярости. Мой отец был хорошим кузнецом. Пусть я молокосос, который ничему не успел научиться, но здесь невелика работа. От отца остались рецепты и инструменты, но они без практики и учителя почти бесполезны. Почти. Даже простое чтение рассказало мне про виды кинжалов, мечей и копий. В моем воображении я вижу, во что может превратиться эта каменная игла. В отличный четырехгранный кинжал рондель. Я стащил у тощего Котила из пристройки у загона два отличных обрезка копыт – что поделать, видимо, родители отца в чем-то правы, я сын своей матери – и теперь терпеливо, по чуть-чуть, делал в них отверстия. В итоге в будущем навершии кинжала отверстие оказалось слегка великовато, но это не страшно. Насадив роговые пластины, я затем плотно обмотал рукоять между ними тонким ремешком, а после добавил более толстые куски на тупой конец, фиксируя навершие, и под эфес. Теперь полдня на солнце, и высохшая кожа зажмет копыта намертво на каменной игле. Конечно – я с сомнением оглядел свою кривую поделку – кинжал вышел совсем непохож на тот идеал, что горел в моем воображении, но забрать жизнь у Паурита он сумеет.

Подожди-подожди, осадил я сам себя. Ведь все начиналось с желания добыть мясо самостоятельно. Как все это за минувшие два дня незаметно для меня превратилось в кинжал для Паурита? Странные и пугающие ощущения. Будто та моя жажда крови обрела жизнь и стала существовать отдельно, влияя на мои поступки. Пусть так, решительно тряхнул я головой, снова разговаривая сам с собой. Одно другому не мешает. Чтобы самому добыть какую-нибудь большую ящерицу или квыргала, нужно внимательно проследить, куда уходят охотничьи команды из деревни, чтобы пойти в другую сторону. Хорошо, что теперь нет одиночек, которые бродят туда-сюда и тоже охотятся на мелочь в ближайшей округе. Только команды, только далекие походы на крупных животных. Джейры по-прежнему под запретом, коз я вряд ли найду, поэтому беда ждет их старших родственников. Ведь с них можно получить не только мясо, но и ценные рога, копыта – я с любовью потрогал свой кинжал – и шкуры. Охотники сейчас

добывают голубую и красную антилопу, мечерога и большого бородача. И не только. Не только. Ведь жадность Кардо так велика, а деревня так напугана, что охотники уже два раза ходили на ночного пересмешника. Стайный хищник с вонючим мясом, но очень ценной шкурой, когтями, зубами и сердцем. Глупцы, ищущие смерти, ведь именно среди хищников чаще всего встречаются Звери. Те, кто встал на путь Возвышения, схожий с человеческим. Но это не важно, это их выбор. А важно то, что если Паурит окажется в такой команде на пересмешника, то у меня будут все шансы осуществить свою месть. То, что я слышал вечером у костров, где обрабатывали шкуры, вселяет в меня надежду на это. Виргл, надеюсь, ты решишь сгноить меня на камнях. Пожалуй, – я взвесил мешок с мясным корнем, – ближайшую неделю я даже половину нормы не буду сдавать, порадую тебя, что твой план осуществляется. Ведь ты и знать и не знаешь, что теперь планы строю я.

Глава 8

Жирные дарсы! Как так сложились звезды на небе, что вы сейчас все собрались здесь, а не занимаетесь своими делами. Вартус! Ведь не прошло еще и часа, как я вымаливал у тебя хоть кусок мясного корня за едва набранную за два дня норму камней. Я ведь специально выбрал это время, когда долгий день близится к вечеру, но еще остается часа два до обычного окончания работ и возвращения охотников. Как так получилось, что вы все вернулись раньше, и кто остался вместо вас на приемке? Вчера меня снова охватило то странное чувство, когда ты поднимаешь привычную вещь и вдруг понимаешь, что тебе стало странно ею пользоваться. Ты начинаешь прислушиваться к себе и понимаешь, что она стала немного легче и словно сама летает, едва касаясь твое руки. Прорыв на звезду, когда твоя сила скачком увеличивается.

Я спрашивал у мамы, и она не смогла вспомнить, чтобы у нее бывали такие ощущения. Я для себя решил, что это связано с моей скоростью Возвышения. Сила мамы поднималась постепенно и не спеша. А я двигаюсь гораздо быстрее ее. Мое тело просто не успевает привыкнуть к увеличившейся силе. Так было и с предыдущими ступенями. Но с этой вышло еще нагляднее. Ненависть, похоже, остановила мое Возвышение, а создание кинжала словно прорвало плотину. В эти десять дней мне иногда казалось, что еще чуть-чуть, и я увижу движение силы в своем теле.

Стоило мне начать представлять нити энергии вокруг своего тела, как на краю взгляда я замечал их сияние и просто в воздухе. Мои тренировки воображения, когда я мысленно рисовал цветную энергию на облаках, птицах, людях и просто окружающих предметах, привели к тому, что я в такие моменты просто терялся, не понимая, реальность это или мои домыслы. А в этот треклятый сарайчик я снова залез для того, чтобы точно подтвердить свои догадки. Я считал, что перешел на шестую звезду. Отмеченная печатью гиря из камня, который просто негде добыть в наших руинах, подтвердила мой уровень. Но что делать теперь?

Я огляделся. С прошлого моего посещения здесь стало еще меньше гирь. Пожалуй, если их переложить… Вернее, если переложить те, что мне под силу поднять, то можно соорудить у дальней стены нишу. И в ней уже переждать до ночи. Главное сделать все тихо и надеяться, что никто не обратит внимания на то, что внутри все стало сложено по-другому. И я лихорадочно, прислушиваясь, замирая при каждом крике с площадки, постоянно посматривая в щель наружу, принялся таскать все, что имело меньше семи звезд, на своем боку. У меня все получилось. Никто меня не услышал, да и тайник получился на загляденье. В углу я обнаружил еще пару щелей – некому, некому гонять учеников с глиной и побелкой – и сложил нишу именно там. Теперь, с удобством, спасибо закалке тела, лежа на гирях, я наблюдал за вечерней тренировкой всей компании.

– Сегодня я подниму шестизвёздную гирю восемь раз! – Шиго горделиво поднял вверх руки.

– Да ты ее уже месяц пытаешься поднять, – отмахнулся Порто, вытирающий пот куском замши на скамье.

– Нет! – помахал пальцем Шиго. – Я прямо ощущаю, как мои руки стали сильнее! Сегодня я уверен в себе! Гляди!

Шиго поерзал, удобнее ухватывая ручки гири, и с утробным рыком стал поднимать ее, громко считая.

– Раз! Два! Три! Четыре! Пя-ять! Ше-есть! Семь! А-а-а! Восемь! – Бросив гирю, от чего она с гулким ухом упала, взметая песок, Шиго победно воздел руки и принялся орать: – Да! Да! Я сделал это! Сегодня я ставлю себе следующую вершину! Я повторю это еще четыре раз!

Странно. Неужели это так тяжело? Я же только что поднимал эти же двести килограммов, да и вообще переложил с места на место добрых два десятка здоровых гирь и не заметил сильной усталости. Да и мама иногда, когда находит, забивает переноску камнями для меня. Вместе с обычным грузом у нее иногда выходит тот максимум, который она способна поднять. Нужно ли говорить, что и ее норма лепешек больше, чем у остальных? И так она идет несколько часов. Я заколебался. Все же я принял решение как можно меньше касаться тяжестей, а не уподобляться этим орущим здоровякам. И здесь я появился только для проверки. И уже успел и так хорошо прикоснуться к гирям.

«Хорошо! – решился я. – Один раз можно себе позволить, чтобы выяснить свои пределы». Я, проверив, что никто и не думает приближаться к сараю, скользнул через щель под крышей к входу. Двенадцать. Я поднял ее двенадцать раз и не почувствовал особой усталости. Прекратив лишь из-за беспокойства быть обнаруженным. Снова оглядевшись через щель в двери, я с сомнением посмотрел на следующую гирю, но все же ухватился за шершавые ручки. Семь звезд я смог шевельнуть и, возможно даже, на несколько волосков оторвать от земли. Но не более. Снова устраиваясь в каменной нише, я обдумывал эти странности.

– Да че ты как девчонка? Тебе не надоело возиться с этой мелочью? – надрывался на площадке Шиго. – Ты бы еще двойки взял!

– Экзаменационных гирь на две звезды не существует, – спокойно ответил Порто, все еще сидящий на скамье и заново стягивающий волосы в простой хвост.

– О боги! Ты меня прекрасно понял! – закатил глаза Шиго.

– Я хочу попробовать свою удачу с семеркой, – сказав это, Порто встал, почти оттолкнув стоявшего вплотную Шиго.

– Ого! Так вот что ты задумал, – Шиго похлопал в ладоши вслед Порто, не обратив внимания на его грубость. – Давай, давай!

– Эти слова звучат гордо, – услышал я ненавидимый голос Виргла: к сожалению, та часть площадки, где он был, мне была почти не видна. – Неужели ты присоединишься ко мне, став второй семеркой?

Порто молча остановился у каменной тумбы. Вдохнул, выдохнул и ухватился за ручки. В таком согнутом положении он и замер на несколько секунд. А затем, странно поерзав ногами и руками, с громким рыком начал разгибаться, поднимая гирю. Не сумев полностью разогнуться, он замер, продолжая рычать, а затем гиря вырвалась из его разжавшихся рук и упала, едва не расплющив ему ноги.

– Неудача, – презрительно рассмеялся Вартус.

– Сегодня уже лучше, осталось немного, – спокойно ответил Порто, снова мокрый от пота, громко и часто дыша.

– Босс, а ты сегодня чего не тренируешься? – неугомонно продолжил Шиго – я и не замечал, что он такой балабол.

– Ждал ваших результатов. Слабовато. Я думал увидеть большее, – наконец появился в пределах моей щели Виргл. Он даже здесь не снимает дорогой рубахи, совсем не собираясь ее жалеть. А все остальные, между прочим, либо в грубой коже, либо вообще голые по пояс.

– Особо нет времени тренироваться. – О чем это Ларг? Он по полдня сидит на присмотре, ни дарса не делает, только спит. Тренируйся – не хочу! Или для них тренировки – это вот эти гири и все? Но я улыбнулся: про то, что их главарь старше их на год, он не сказал ни слова. Бриться боссу уже пора. Эта поросль на его губах выглядит просто мерзко!

– Я занят делами деревни даже больше вас, – пожал плечами Виргл. – Но мои успехи больше. Вы просто плохо работаете.

– Дайте совет, босс! – подскочил Вартус, что при его росте, равном Вирглу, смотрелось смешно. – Как стать таким же сильным?

– Когда вы тренируетесь, то представляйте, как становитесь сильнее. Каждый раз, когда вы поднимаете гирю, представляйте, как становитесь еще чуть сильнее. Как будто каждое поднятие гири поднимает вас к звезде!

Что он мелет? Я был ошеломлен услышанным. Где в наставлении о Закалке меридианов он видел что-то хоть чуть похожее?

– Покажите, босс! – начал заглядывать в глаза главарю своей шайки Скирто.

– БОСС! БОСС! БОСС! – принялся орать Шиго, хлопая в ладоши с такой силой, что хвост волос, стянутых на его затылке, подпрыгивал и стегал его по спине с каждым ударом.

Виргл, улыбаясь, ленивой, неспешной походкой стал приближаться к гире, которую не поднял Порто. Но взяться за нее не успел. В голову орущего Шиго влетел, разлетевшись вдребезги, кувшин. Крик словно обрезало, как мою веревку тогда на реке. Раз! И Шиго лежит на песке, а вокруг толстые черепки красной глины. Все на площадке замерли в недоумении.

– Да вы задрали орать. У меня от таких криков начинают болеть зубы. Я решил со сна, будто сектанты опять орут воззвания своему богу. А это всего лишь грязные молокососы нашли себе такого же грязного кумира. Даже не пойму без вина, что мне кажется более мерзким, – услышал я недовольный и хриплый голос Орикола.

– Учитель? – это Ларг, который до этого не проронил ни слова на своей скамье.

– Ты слабоумный? Кого ты ожидал увидеть, лентяй?

Откинув циновку, в дверях появился Орикол. Он что, кувшин в окно кинул? Обычно же у него дом наглухо закупорен, как перед бурей? Он оглядел площадку, ударил себя ладонью по лбу и вдруг начал безумно орать, словно буйвол, затем сорвался с места и принялся носиться по площадке, с каждым словом отвешивая пинок или затрещину всем, кто на ней находился. А я прильнул к своей смотровой щели, пытаясь не упустить ни одного удара, которые грели мою душу.

– Тупые молокососы! Отбросы, которым нужно лишь прочитать одну… Одну! Одну книгу! И делать то, что написано в ней! Впитывать энергию мира! Впитывать! Энергию! Где? Где, уроды? Где в ней написано, что нужно рвать задницу и поднимать эти дарсовы гири? Какие гири, скоты! У Древних вообще не было гирь! Не было, вонючие уроды! А они даже не замечали этапа закалки! Они

оставили тысячи наставлений о других этапах. А о закалке всего одно! Одно! Которое вы не можете выполнить! Тупые джейры! Я сорок раз, я сто раз запрещал вам выносить эти дарсовы гири на площадку! Они для экзамена! Тупые ублюдки, гири не нужны для закалки меридианов! Для закалки нужна воля и голова! Верьте и представляйте! Уроды! Тупые уроды!

Орикол внезапно успокоился и почти упал на скамейку, с которой недавно могучим ударом сбил Ларга. Был он все в той же тканой рубашке, что и всегда, грязной настолько, что с трудом угадывался ее родной светлый оттенок, с распущенной шнуровкой, через которую было видно волосатую грудь. И в резко отличающихся от когда-то дорогой рубахи грубых кожаных штанах, которые обычно надевали на грязные работы. Впрочем, они тоже выглядели так, словно он ею и занимался. Он с тоской оглядел опустевшую площадку, на которой остался лишь пытающийся встать Шиго, и поднял глаза к небу.

– Неужели я все еще не выплатил цену своей глупости? Как? Как мне с такими учениками уехать отсюда? О, небеса, как мне не пить с горя, видя таких пустоголовых учеников? А ну, встали передо мной! – Он обвел взглядом сьежившихся парней, ставших перед ним по рангу силы, лишь жавшийся к Вирглу крысеныш выделился. – Что нужно делать для закалки? Молчите? Шиго!

– Э-э-э, – заблеял почти как джейр тот, чей мокасин еще недавно жег мою щеку в воспоминаниях. – Впитывать энергию мира.

– Я поражен тем, что ты все-таки это выучил, тупой уродец. Ты сегодня представлял, как она вливается в тебя? – Орикол встал и упер палец в грудь собеседнику.

– Да! – закивал черноволосой головой Шиго, ради этого опустивший руки, но тут же улетел спиной вперед от тычка простым пальцем.

– Врешь, хоть и пьющему, но учителю. Ты сегодня думал только о гирях и, возможно, о девках, – покачал головой сам названный учитель и шагнул в сторону. – Порто, а ты представлял?

– Я старался, но видеть невидимое не для меня, – спокойно сказал Порто.

– Плохо, но твои старания хотя бы видны, и всегда есть надежда, особенно если ты бросишь таскать эти гири. – Орикол остановился напротив Ларга. – Что можешь сказать мне ты?

– Я словно кувшин, в который она вливается, – твердо ответил самый большой лентяй поселка. Так он все-таки не спит целыми днями?

– Хм, я удивлен, но ты не врешь! – Орикол убрал палец и перешел к следующему. – Вартус, что можешь сказать мне ты?

– Это все глупости, ваше воображение энергии. Я верю только в силу кулака. Картинки не помогут мне в пустоши, – нагло заявил прямо в глаза бывшему Воину высокий, мускулистый, почти черный от загара парень.

– Наглый, самодовольный квыргал, который спит в своей норе и не знает, как велики разноцветные пустоши за ее пределами, – покачал головой Орикол и вдруг быстрым, почти неуловимым движением пнул парня в грудь. Отчего тот улетел почти в конец площадки и теперь лежал, царапая голую грудь, и пытался сделать вдох. – Мне редко приходилось видеть таких тупых квыргалов. Попробуй поверить в силу моего кулака, полученную глупостями. А ты? Признаюсь, я считал, что в этом поселке у тебя самые большие шансы на достижение пика.

– Простите, учитель! Я строго следую наставлению по закалке. Но уже несколько лет я не вижу ни малейшего прогресса в Возвышении, – стоящий перед Ориколом парень склонился в вежливом поклоне, сцепив руки. – Боюсь, мое тело страдает от третьей преграды и недостойный никогда не сможет оправдать надежд своего учителя. Я упал, едва взлетев.

Это Рикто. Самый взрослый из парней нашей деревни. Еще полгода, и он будет считаться взрослым. Я знаю, что он в шайке Виргла, но редко вижу его с ними. Худой, я бы сказал очень худой, жилистый, всего пять звезд, что в его возрасте делает его чудовищно слабым. Странно, но я слышу, что не только поклон, но и слова его полны уважения к Ориколу. Уважения, которого я не видел ни у одного другого жителя деревни. И его речь гораздо плавнее и богаче, чему у остальных парней. Пожалуй, с удивлением подумал я, подобных оборотов я, кроме нашей семьи, и не слышал больше нигде в деревне.

– Я никогда и подумать не мог, что окажусь в роли учителя. И не пытался следовать этому нелегкому пути. Я, старый пьяница, плывущий по течению, не заслуживаю от тебя такого именования, – со странной тоской в голосе говорил Орикол, глядя на Рикто. – Это тебя любой настоящий учитель с радостью назвал бы учеником за твое упорство. Могу лишь повторить свой совет. Ты скоро станешь взрослым. Иди в пустошь, сражайся, находи себе равных противников среди зверей. Находи себе противников сильнее тебя. Заставь свое тело сломать свои глупые ограничения.

Как интересно, подумал я, провожая взглядом шагнувшего дальше Орикола. Эти его слова очень напоминают совет, данный моему отцу. Тот, который позволил ему прорваться и привел нашу семью к этим черным руинам среди белого песка. Бывший Воин остановился перед Скирто, и я с удовольствием прильнул к щели плотнее, жалея, что она становится все уже с этого края и не дает насладиться хорошим обзором происходящего. Орикол меня не разочаровал. Он даже не стал ни о чем спрашивать крысеныша, а просто схватил его за пояс штанов и запустил в воздух. Приземлился тот точно на уже начавшего шевелиться Вартуса, выбив из него не только песок, но и жалобный вопль. Отлично! А теперь самое вкусное, как кусок мясного корня, который не трогаешь до самого вечера. Одну затрещину Виргл сегодня уже получил, видел своими глазами, но этого мало!

– Твоего ответа я жажду услышать больше всего, – принялся скрести отросшую щетину на шее Орикол. – У тебя есть мысли, почему?

– Нет, учитель, – почтительно склонил голову в поклоне Виргл, заставив меня в удивлении чуть не заругаться в голос, выдав себя. Что это с ним?

– Как-то недавно меня уже пытались уязвить вежливым именованием. Тогда я ответил, что слова собеседника полны яда. Пожалуй, ему стоило бы поучиться у тебя. Твой яд так незаметен и скрытен, что девять из десяти с радостью выпьют его.

– Учитель, простите, но я не понимаю ваших иносказаний, – вежливо ответил и снова склонил голову Виргл.

– Скажи старому пьянице, зачем ты так упорно пытаешься сбить с пути Возвышения тех, кто окружает тебя! – Услышав это, я едва не разбил лоб,

пытаясь еще сильнее прильнуть к щели, чтобы не упустить ни одной детали происходящего.

– Учитель, я лишь даю им советы, когда они меня просят об этом. Ведь следовать советам самого сильного ученика вполне естественно, когда рядом нет учителя. – Виргл поднял голову и взглянул в глаза собеседнику.

– Тебе нужно больше тренироваться. Не с тяжестями, нет. С лицедейством, уродец. С каждым новым словом я все отчетливее вижу клыки за твоей улыбкой, и все сильнее пахнет твой яд. Ты меня раздражаешь. Я пью это дарсово вино, которым заливает меня твой отец, смотрю, как ты набираешь звезды, сбиваешь всех с пути, но молчу, как мы с ним и договорились. Но вот прошел год. Тебе уже пятнадцать. На этом экзамене ты можешь даже и не появляться. Ты все еще жалкая семерка. Ты достиг своего потолка, мусор. Подскажи, ничтожество, годное лишь на то, чтобы с завистью ломать достижения других, на что надеется твой отец через год? Как сын-отброс вытащит своего отца из этого дерьмового песка?

Я видел, как после слова «уродец» едва заметно вздрогнула спина Виргла. Лицом он действительно не вышел, не уродец конечно, но и красивым его не назовешь, он взял худшее от обоих родителей. Я видел, как с каждым новым оскорблением он вздрагивал все отчетливее и как поднимались его плечи. Я уже было решил, что еще одно-два колких слова Орикола, и Виргл кинется на него, огребя новых тумаков. Этой мечте не было суждено сбыться наверное, небо решило, что подарков на сегодня хватит.

– Виргл! – раздался громкий крик, от которого тот словно окаменел. Наш славный вождь пожаловал, заскрипел я зубами от разочарования.

– Кардо, – Орикол развернулся в сторону голоса и снова принялся скрести шею. Меня уже этот его жест начинает злить, кажется, даже здесь я слышу этот противный звук хрустящей щетины.

– Орикол, что за крики? – продолжил уже более тихий голос. – Ты будоражишь жителей деревни. А мы ведь договаривались об их покое?

– Кардо, – Орикол проигноривал обвинение, – я интересовался некоторыми вещами у твоего сына-неудачника. Может, ты сможешь ответить мне хотя бы на

последний вопрос?

– И что ты спросил последним?

– Учись, сопляк, у отца, – ткнул в грудь Вирглу Орикол, отчего тот чуть не упал. – Десять из десяти бы поверили. Не нужно, Кардо, не нужно. Ты уже давно здесь.

– Орикол, я, как и любой любящий отец, верю в сына. Он еще блеснет талантом, ослепив всех вокруг.

– Продолжаешь юлить! – Орикол сплюнул под ноги Вирглу. – Хорошо, я сам увижу через год.

Я наблюдал, как удаляется Орикол, заставивший меня взглянуть на происходящее с другой стороны, как разбегаются от короткого рыка Кардо мелкие шавки его сына. Или не шавки, ведь некоторые из них тоже заставили взглянуть на них по-другому. Внезапно, заставив меня испуганно вжаться в камень, со стороны входа раздался оглушительный звук. Сорвали с ремней плетеную дверь сарая? Перестав дышать от страха, я ощутил странное и пугающее чувство. Словно сквозь многочисленные каменные гири по мне скользнул тяжелый взгляд, заставший похолодеть от ужаса. Тишина стояла такая, что я слышал, как какие-то насекомые шуршат в толстом слое драконовой травы на крыше.

– Щенок! – Ощущение взгляда исчезло, и я услышал яростный шепот Кардо: – Ты меня разочаровываешь!

– Прости, отец!

Я снова принялся тихо дышать, надеясь, что за шумом разговора они не смогут меня услышать. Как близки их голоса! Словно стоят в шаге от меня!

– Но мне не хватает таланта! Я не могу прорваться на восьмую звезду, как ты хотел!

– При чем здесь это! – зашипел Кардо. – Я уже смирился. И даже нашел способ все исправить. Я о другом! О твоей возне с шайкой! Да, я просил тебя научиться

собирать вокруг себя людей. Но ты, в своей лени, решил выбрать самый легкий путь.

– Отец!

– Что отец? Ракот меня уважает, он верен мне. Закир отдал жизнь за меня. А ты?

– А Ма? А Паурит? – возмутился Виргл.

– Шавки, которые верно прыгают за подачку. Я говорил о верных людях. Я рассказал тебе, как нужно завоевывать их сердца. Но ты, ленивое отродье, решил взять не верностью, а числом, да еще и побыстрее. А ведь Порто так похож на отца! Он стал бы верен тебе! Но ты выбрал Вартуса и крыс. Хорошо, я закрыл глаза на твои слабости. Ты мой сын. Я молчал, когда ты, чтобы сплотить шавок, травил того пацана.

– Сын отродья, что поднял на тебя руку! – повысил, перебив отца, голос Виргл. – Если бы не твой запрет, я уже убил бы его!

– Я уже забрал его жизнь и отомстил его жене! – Я услышал звук затрещины, но мне было не до радости, я весь превратился в слух. – При чем здесь ты? И кто дал тебе право решать, кто будет жить в деревне?

– Отец, мое сердце словно чернеет, когда я его вижу! – Это что, скрип зубов?

– Ты не думаешь головой! Я не забирал у них надежду! Я почти разорил их, но они всегда могли уехать отсюда, мне ли не знать о рецептах и молоте? Но ты постоянно давишь на них! Подумай, подумай и ответь, – за стеной зашуршало, и Кардо продолжил злым шепотом: – Ты моим именем лишаешь их еды. К чему это приведет?

– Они будут страдать! – почти закричал Виргл.

– Дурак! Небо! Как мой сын может быть таким дураком? – гневно зарычал Кардо, а затем вкрадчиво спросил: – Ты бессмертен?

– Нет. – Мне слышно, как растерялся Виргл от странного вопроса.

– Тогда скажи, если завтра Эри вернется домой и увидит, что ее дочь умерла от голода, то что она сделает?

– Поднимет крик. Но ты сильнее ее, у тебя появится законный повод ее убить, – уверенно ответил Виргл.

Мама станет кричать? Я кровожадно ухмыльнулся. Ты не видел, как шарахнулся Ракот. Она на грани.

– Ты тупой щенок, что думает только над своими проделками, – тут ты ошибаешься Кардо, я чуть изогнул губы в улыбке. Я подозреваю, что почти все придумано крысенышем Скирто. – Она придет в наш дом тогда, когда меня не будет, и убьет и тебя и мать раньше, чем я успею ее остановить! Тебе станет на небе легче, когда я убью ее в ответ?

– Э-э-э, – заблеял как джейр Виргл. – Как убьет?

Легко, тварь, подумал я с ненавистью. Возможно, я даже успею ее опередить!

– С громкими, на всю деревню, проклятьями на мою голову! И наверняка она будет не одна! – раздался звук отличной звонкой затрещины. – Я уже сказал Ракоту, что ты прикрывался моим именем. Он меня понял. Отныне ты не лезешь в дела взрослых.

– Хорошо, отец, как скажешь, – по слову выдавил из себя Виргл.

– Это все мелочи! Главное! Почему я появился здесь?

– Потому что этот алкаш вылез из своей вонючей норы! – снова закричал Виргл, найдя очередного виновного.

– Нет! Может, я смогу вбить в тебя ум? – Кардо снова отвесил затрещину. – Потому что вся деревня слышала, что мой сын сбивает с пути их детей. Я когда-то пошел тебе навстречу и запретил учить этого сопляка, и на это закрыли глаза. Они приблуды. Но сегодня все в деревне узнали, что ты лишаешь их детей шанса вырваться отсюда!

– Да кто поверит этому алкашу? – возмутился Виргл.

– Все, все поверят! Все, кто помнит, как он появился здесь. Сын, я пошел на многое ради того, чтобы ты достиг десятой звезды, – вкрадчиво сказал Кардо. – Думаешь, их желание вырваться отсюда меньше?

– Меньше, отец, раз они молчали под плетями! – уверенно заявил Виргл.

– Тупой сопляк! – видно, Кардо окончательно разозлился. Он уже говорил почти в голос, а звуки затрещин почти не стихали. – Мне надоело все тебе разжевывать и снова и снова запихивать выпавшее в рот! Отныне никаких совместных тренировок твоей шайке! И чтобы я даже шепота не слышал: «Дайте совет, босс!» Иначе я напомню тебе, что такое плеть!

Уже давно ушли с площадки Кардо с избитым сыном, начало темнеть, сарай погрузился в непроглядную темноту, а я все лежал и думал. Как много тайн видели и слышали стены этого сарая, если даже в моей жизни так много важных вещей связано именно с ним? Выходит, через год Виргл должен чудом перепрыгнуть три звезды и сдать экзамен, покинув вместе с семьей нашу деревню, из которой они выпили все соки. И выходит, я зря накручивал себя тем, что за нашей семьей постоянный пригляд. Конечно, Кардо по-прежнему не нужно знать, что я успешно закаляю меридианы. Но, похоже, половина бед нашей семьи – это злые умыслы совсем других людей, избравших нас своей мишенью. Уменьшило ли это мою ненависть к Кардо? Нет! Кардо и Паурит должны умереть! У меня остался всего год на месть!

Глава 9

Все сложилось как нельзя лучше и так быстро, что это больше похоже на волшебство. То, что из детских сказок о богах и героях. Когда богиня природы просто бросила семя в землю и на глазах восхищенных придворных дворец Южных пределов начал возноситься к небу, оказавшись на ветке исполинского Древа, верхушка которого достигала летящих звезд. Или как в песне про то, как однажды вечером Рег Валос, Повелитель Севера, остановился у горного озера и решил, что здесь будет стоять его дворец. Он просто пожелал, и молчаливые скалы, послушные его воле, потекли, превращаясь в сияющие крыши палат и

гордые шпили башен. Вот и у меня вышло почти так. Стоило мне сделать кинжал, как не минуло и месяца, а охотники идут на пересмешников именно так, как мне и нужно. С ними Паурит, но он вовсе не главный. Главный Ракот.

Я выглянул в небольшое окно. Единственное, что меня раздражает в происходящем, так это то, что они очень медленно идут. Я, конечно, мчался сюда изо всех сил, но все же, почему они по ровной пустоши идут так медленно? Не случилось ли чего-нибудь? Может, просто обходили засаду леопарда? Наткнулись на пуму? Я пару раз подбросил на руке свой клятвенный камень. Ладно, все равно уже ничего не изменишь. Все эти дни я приучал надзирающих за огородами, что если накануне не добрал камень, то за полив я брался еще в темноте и к моменту их прихода мой кусок работы был уже готов. Затем, получив их подтверждение, я на их глазах брал плетеную переноску и уходил вниз по течению в руины за камнем. Так было и сегодня, так что теперь мне некуда спешить, раньше обеда я никогда не возвращался с первой ходки. Ведь я по-прежнему слабак, которому двадцать килограммов камней непосильная ноша на развалинах Древних, что в разы удлиняют любой путь.

Приняв решение спокойно ждать, я откинулся на стену, которая еще не успела нагреться и приятно холодила мое тело, разгоряченное бегом вдоль реки. Значит, займусь другим делом, и я решительно закинул в рот полоску завяленного почти до каменной твердости билтонга. После того памятного разговора Кардо с сыном наши дела значительно улучшились. Во всяком случае, мама стала получать настоящую полную пайку за работу. А я начал тайком охотиться. Оказалось что раньше, когда дядя Ди говорил, что ему улыбнулась удача, а я хвалил его навыки, то прав был дядя. Теперь мне лучше понятно то унижение, которое испытывает отличный охотник, который из-за Кардо занимается делом неумех новиков. Охота на квыргалов вообще не требовала никаких других навыков кроме умения смотреть глазами. Я выбирал направление, куда никакая из групп охотников сегодня не пошла, неспешным бегом выбирался за полосу безжизненного песка у развалин Древних, в ту их часть, где еще не исчезали одинокие скалы, но уже появлялась густая трава, и начинал смотреть. Вот тут начиналась удача охотника. Можно было весь день нарезать круги, но не встретить ни одного квыргала. Но если ты его увидел, то считай, мясо уже в твоем мешке.

Возможно, ребенку и было бы сложно добыть его, но любому новику, имеющему силу и выносливость пяти звезд Закалки меридианов, это не составляло большого труда. Лопатка джейра, а еще лучше любого его старшего

родственника и неглубокая нора квыргала, вырытая им в мягком сыпучем песке, скрепленном только корнями высохшей травы, не могла его спасти. Я отлично помнил презрительную усмешку на лице мамы: «Жадный дурак!» И, выкопав одного грызуна, оставлял остальных в покое. И, конечно же, не рисковал приносить домой тушку и варить ее. Пусть маме и перестали впихивать тыкву, но и мяса давать не начали. Пусть самому Кардо, как оказалось, нет дела до нас, но Виргл и Паурит могут внимательно приглядывать за объектами своей ненависти и похоти. Поэтому я превращал мясо в билтонг. Нарезал полоски мяса, чуть подсаливал, вялил их на солнце и лишь затем приносил домой. В общем, ужинали мы всегда мясом. Невкусным и тяжело жующимся, но настоящим мясом, а не корнем с его названием. Хотя Лейла иногда начинала плакать и просить наваристого супа. Но главное ее перестало шатать от ветра, и ручки, ножки у нее приятно потолстели. А серые глаза мамы потеряли стальной блеск сдерживаемой ненависти.

Я перевернулся на спину и бросил взгляд на небо. Начали кружить. Пришлось начать махать руками и ногами. Проклятые падальщики! Живой я. Живой. И не собираюсь сдыхать вам на поживу! Нечего надеяться и становиться в круг надо мной. Еще чего доброго охотники насторожатся. Чего это за падаль ожидается в руинах? Что там случилось, и нет ли там пересмешников или шакалов? Грифы, летите прочь, вам сегодня в любом случае ничего не достанется.

Идут. Я, подползя к окошку, внимательно наблюдал за точками вдалеке. Снова ждать и думать, будут ли они следовать установленному ранее порядку? В мою сторону направилась одна точка… Но Паурит ли это? Я положил руку на рукоять кинжала. Охотники всегда, добравшись до этого места, останавливались. Затем разбегались в разные стороны, кроме старшего в отряде, который оставался ждать разведчиков. Пустошь вокруг – это охотничьи угодья той небольшой стаи пересмешников, которых начали выбивать по приказу Кардо. Сейчас разведчики будут искать, где сегодня охотятся хищники. Многие травоядные и хищники в рывке быстрее обычного охотника пятой-шестой звезды. Но никто из них не может похвастаться такой выносливостью. Травоядные не могут далеко уходить от воды, без которой быстро гибнут. А большинству хищников нужно внимательно выбрать место охоты, потому что, упустив добычу раз, преследовать ее или идти на новое место охоты без отдыха для них слишком тяжело. А вот человек может позволить себе полдня без воды пробежать по пустоши в поисках добычи.

Прошлые две охоты Паурит всегда проверял водопой, который принадлежал только этой стае. Подозреваю, что он это делал по двум причинам. Утром в десяти из десяти случаев здесь не будет стаи. Они могут вообще не вернуться сюда, территория стаи велика, а если все же надумают, то появятся в своих норах либо вечером после удачной охоты, либо в самую жару, переждать ее. А после ночевки уйдут за добычей в рассветных лучах. Это самое безопасное место для проверки в это время, а он точно не храбрец. Вторая причина – сама вода в озере и какая-никакая зелень. Пусть это всего лишь жесткая трава, невысокие плотные колючие кусты акации, несколько ее более высоких товарок, ставших деревьями, и более густая и высокая густая поросль цимбопогона по берегам ручья, что и наполняет крохотное озерцо.

Думаю, если бы это место не было логовом пересмешников, то травоядные давно бы сожрали здесь всю сочную зелень. Самый пик засухи. Дождей давным-давно не было, даже река стала мельче, в пустоши воды стало совсем мало и травы высохли. Я, побывав у логова всего один раз, для проверки местности, был очарован. После голого песка с пучками сухой звенящей на ветру травы у деревни и желтого, покрытого пылью разнотравья в пустоши глаза просто отдыхают, глядя на эту яркую сочную зелень. Вот и Паурит наверняка смывает песок с лица и отдыхает в тени акаций, перед тем как отправиться обратно в путь по набирающей силу жаре.

Если руины вдоль реки можно смело считать городом, который когда-то занимал оба ее берега на многие часы пути, то что было здесь, предположить сложно. Если позволить разыграться своей фантазии и не забывать, что даже сейчас это место удивительно красиво, то можно предположить, что здесь раньше было место отдыха богатых горожан. Здесь не так много домов. Даже если считать, что не уцелела лишь половина, то все равно, жило здесь не больше чем в пять раз от жителей нашей деревни. И тогда эта капля воды еще не испарилась и была огромным озером, плескавшимся у порога крайних домов. А может быть, здесь сидели чиновники, которые внимательно проверяли товары, доставленные в город по суше. А никакого озера и родника вообще не было тогда. Кто знает?

Да, это Паурит, с облегчением опознал я крохотную фигурку, оборвав фантазии. Не изменяет себе, это хорошо. Я заставил себя отпустить кинжал и размял затекшие пальцы. Осталось немного, напомнил я себе и своему стучащему сердцу. Бросил напоследок взгляд в небо. Ждут и следят. Всегда в ожидании чьей-нибудь смерти. И она близится. Я спустился со своего наблюдательного гнезда и, тщательно следя, чтобы между приближающимся врагом и мной были

камни или здания, побежал к подготовленной засаде. Ничего особенного, просто место, через которое, скорее всего, и пройдет Паурит. Просто вершина одного из камней, в четыре роста взрослого мужчины, что густо окружают кольцом развалины домов. Просто вершина с принесенными сюда почти от самой деревни камнями. Несколько прыжков, подтягиваний на кончиках пальцев, и я замираю, распластавшись на нагретом черном камне. Теперь мне остается только ждать, пока терпимо, но в полдень я уже такой трюк не проверну. Тогда этот камень будет раскален так, что на нем можно жарить мясо.

Вот, сейчас! Я осторожно, двигаясь буквально на кончиках пальцев, проверил то, что говорили мне мои уши. Паурит подо мной! Я сглотнул тяжелый комок в горле и решительно встал. Внизу я отчетливо видел проходящего врага. Первого, у которого я отниму жизнь. Не стоило тебе трогать мою мать. Мудрецы говорят, что нет более жестоких существ, чем дети. Хватит, оборвал я поток мыслей. Просто убей его! Я взял в руки первый камень, занес его над головой, и, еще секунду промедлив, швырнул вниз.

Тренировки не прошли даром. Камень, который я швырял, наверное, сотню раз, в сто первый попал именно туда, куда я и целил. Между лопаток ничего не подозревающего Паурита. Второго камня не понадобилось, как и запасного плана с вступлением в схватку с убегающим врагом. Я приближался к хрипящему на сером песке человеку, которого пообещал убить, и стискивал в руке свой кинжал. Два месяца мне понадобилось на осуществление мести. Осталось совсем немного. Буквально три шага и один удар.

– Паурит! – Я остановился в шаге от беспомощного врага. Случалось, что, копая норы квыргалов, зверьки попадали под удар костяной лопатки. С моей силой им ломало спину. Именно на подобный результат я и рассчитывал, бросая в охотника камень величиной в две мои головы. – Ты слышишь меня?

– Слышу, – прохрипел Паурит, пуская кровавые пузыри. Хорошо, я боялся, что он умрет, так и не узнав, за что понес наказание. – Пацан, откуда ты здесь? Помоги! Помоги мне!

– Зачем? – я нарочито удивился, прислушиваясь, как все спокойнее бьется мое сердце, а затем сдернул с головы платок и улыбнулся своему врагу. – Это я бросил в тебя камень. Я не буду тебе помогать. Я здесь не для этого. А знаешь, зачем я здесь?

– Ты че? Пацан, ты че? – В маленьких черных глазках Паурита загорелся ужас. Это хорошо, это выражение в них мне нравится гораздо больше, чем похоть, которая и привела его к смерти.

– Когда ты говорил свои первые грязные слова моей матери, я пообещал себе, что ты за них заплатишь, – я принялся объяснять ему, почему он сегодня умрет, мне важно, чтобы он пожалел о каждом мгновении своего поступка. – Пожалуй, я бы ограничился тем, что сломал бы тебе руки, которые ты протянул к ней. Но ты ведь не остановился на этом? Тебе захотелось наказать ее за строптивость, чтобы она была…Как ты сказал, Паурит, помнишь?

– Нет! Нет! – Паурит принялся отползать от меня, видимо, спину ему не сломало, спокойно отметил я. – Я пошутил… Нет, ошибся. Ошибся я! Забудь, пацан, забудь! Я извинюсь перед ней!

– Хочу, чтобы ты знал, Паурит. – Я вытащил из нашейного мешочка свой клятвенный камень и показал ему. – В ту минуту, когда ты советовал моей матери быть нежнее с тобой, я поклялся на этом камне Древних, что ты умрешь. Умрешь за свои грязные слова и улыбку, которой не место под этим небом.

– Помогите! Помогите! – изо всех сил принялся кричать Паурит, впрочем, получалось у него плохо, мешало отбитое нутро.

– Глупо, – сказал я, возвращая камень на место. – Ты добирался сюда почти час бегом. Ракота с земли даже не видно за горизонтом.

– Пацан! Как тебя там? – Паурит еще сильнее задергался, отползая от меня. – Стой! Давай поговорим!

Я презрительно скривился. Даже не помнит, как зовут сына той, которую он унижал. Мразь, забывшая от страха про копье и нож, но на что-то еще надеющаяся. Я крепко сомкнул пальцы на кинжале, изготовленном для этого мига, и сделал последний шаг к своему врагу. Пинок по руке, которой он пытался прикрыться, и быстрый удар в сердце. Мой рондель вошел в его тело по роговую гарду, пробив насквозь, словно оно было из воды. Краткие секунды судорог, и Паурит затих. Я смотрел на его мутные безжизненные глаза, теперь потерявшие всякое выражение, слипшуюся от крови светлую редкую бороденку, оскаленные в последнем крике желтые зубы и чувствовал, как тот кровожадный

клинок ненависти, что горел в моем сердце, словно тускнеет, утоленный покрывшей его кровью моего врага. Да, кивнул я своим мыслям, пусть эта жажда крови и прорвала мою преграду в Возвышении, но без нее мне гораздо легче. Клятва убить Паурита перестала давить на мои плечи всем весом неба над моей головой, а душа моя словно стремится улететь, такое облегчение я испытываю. И радость. Теперь я могу без стыда глядеть в глаза моей маме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ignatov_mihail/pustosh-nulevoy-krug

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити